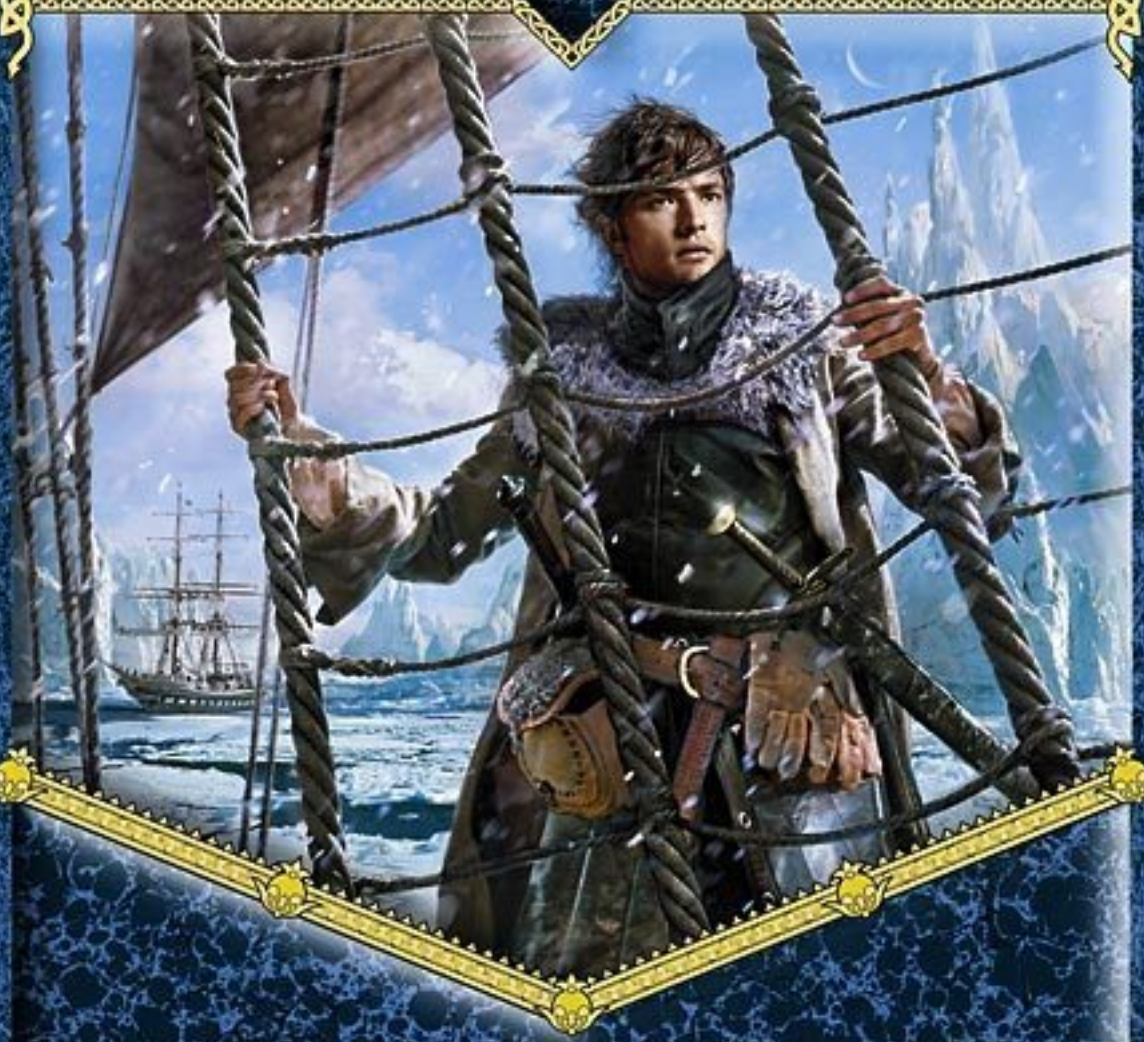
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Антон КРАСНОВ



НАСЛЕДНИК. ПОХОД ПО ЗОВУ КРОВИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Антон Краснов

Наследник. Поход по зову крови

«Краснов Антон»

2013

Краснов А.

Наследник. Поход по зову крови / А. Краснов — «Краснов Антон», 2013

ISBN 978-5-9922-1413-0

Мирок юного Себастьяна очень понятен и незамысловат: здесь, рядом – родной рыбацкий городок, там, чуть дальше – Сеймор, где твердой рукой правит справедливый владетель герцог Корнельский. Ну а где-то там далеко, за мифическими Столпами Мелькуинна, лежит чудовищная Черная Токопилья – прародина зла, где вынашивают свои замыслы братья ордена Рамоникейя.Но истина оказывается вовсе не такой черно-белой. Особенно когда Себастьян узнает, что много лет назад мудрый правитель Корнельский, тогда звавшийся просто капитаном Бреннаном, привез из тех самых неведомых земель, из самого сердца Токопильи, некий Дар Омута, который стоил жизни всей его команде. Юноша еще не знает, что ему предстоит пройти по следу сгинувшей экспедиции. Не знает, что ему суждено поседеть, воочию узрев Столпы Мелькуинна, а затем и узнав, какое зло содержал в себе Дар Омута. Да и ЗЛО ли?..

ISBN 978-5-9922-1413-0

© Краснов А., 2013
© Краснов Антон, 2013

Содержание

Пролог 6
Часть первая 11
Глава 1 11
Глава 2 22
Глава 3 31
Глава 4 43
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Антон Краснов
Наследник. Поход по зову крови

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

И ни ангелы неба, ни демоны тьмы,
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу с душой
Обольстительной Аннабель-Ли…

Эдгар Аллан По

Пролог
Дождевые капли от сердца

За двадцать лет до основных событий

Белые пенные потоки, шипя, стекали в шпигаты. Корабль, окутанный смутным зеленоватым сиянием, медленно, словно крадучись, пробирался в глубь Старой бухты. Штормовые паруса были спущены, и судно шло на одних стакселях.

Две пары глаз разглядывали его со сдержанным любопытством. Время от времени во взглядах наблюдателей проскальзывала скрытая тревога. Два языка, обычно очень гибкие и способные довести хоть до Столпов Мелькуинна, сейчас ворочались в глотках вяло, медленно, почти обездвиженные предательским вином, вот этим дешевым альтеррским пойлом из таверн Сиплого квартала.

– Это шхуна старого Бреннана. Это «Кубок бурь», я уж точно знаю.

– Не может такого и быть, ты, вшивый тупица! Старина Брен давно заслужил право входить в саму Золотую бухту под алым флагом, а не красться вот в эту гнилую лужу под покровом ночи.

– Но это точно его корабль, чтоб мне всю жизнь ходить на четвереньках…

– Смотри, какая у него осадка. Сидит по самую ватерлинию, как это бывает, когда в трюме дубленая кожа или добрая сейморская солонина. Не иначе, торговый. С чего это военному каперу так садиться в воду, как немытой сельской девке в корыто? Это торговый корабль.

– Ты ослеп, Ялинек? Какой торговый? Ты что, не видишь, что у него пушечных портов больше, чем у тебя волос на спине? Но это точно его корабль, накажи меня Илу Серый! Э-э-э… что-то у меня сердце пошаливает… Оррр!

– Тсс! Не ори, как последний пьяница из трактира «Баламут»! Что ты верещишь? Да, вижу… Действительно – пушечные порты… Капитан Бреннан… Но зачем орать, Пшистанек? Не хватало нам того, чтобы сбежалась портовая стража.

– Стража? В этот час, в такую непогоду? Эти бездельники давно уже упились вдрызг. Зачем им тут открывать хотя бы один глаз? Знают, что в такую ночь ни один идиот не объявится на рейде.

– Ну… Капитан Бреннан далеко не идиот.

Пока шел этот замечательный разговор, двухмачтовое судно уже пришвартовалось к пристани. Матросы выбросили за борт простой дощатый трап, который через несколько секунд просел под огромной тяжестью.

Тот, кто заставил согнуться мощные доски, был непомерно высок и массивен. Каспиус Бреннан-старший казался сработанным из двух разнородных частей, совершенно не подходящих одна к другой. Острые черты лица, ястребиный нос, четко очерченные высокие скулы и массивный подбородок были словно изваяны гениальным, но нерадивым и склонным лениться скульптором. Нерадивым – это потому что после создания этого выразительного лица, горемастер не удосужился высвободить из каменной глыбы ни шею, ни линию плеч. Ни четко очерченный торс, ни талию.

Голова торчала прямо из туловища. В черных глазах всколыхнулось мягкое матовое пламя, когда капитан Бреннан увидел на пристани закутанную в белый непромокаемый плащ фигуру.

– А это еще кто такой? – зашевелилась неугомонная парочка, сидящая на крыше портового склада.

– Хы-хы! Белый-то плащ? Офицеры из Охранного корпуса короля не привыкли прятаться. Протри глаза, Ялинек.

– Правда, забавно, старина? Личная охрана главы государства ошивается по портовым закоулкам, рискуя не вернуться во дворец.

– Посмотрел бы я на кретина, который рискнул бы испачкать эту белую ткань…

– Ну, из-за угла… Мало ли бывало…

Человек, о котором говорили два досужих соглядатая, действительно не счел необходимым скрыть знаки различия Охранного корпуса. В боковых разрезах длинного плаща поблескивали темно-серые узкие сапоги со шпорами. Голову перехватывала темно-синяя повязка с золотым кантом.

Он спросил у капитана Бреннана:

– Привез?

– Как обещал.

– Где?

– С собой. Вез трофей в своем личном сундуке под замком.

– Наверно, все это время тебе снились не слишком приятные сны, капитан, – саркастично ухмыльнулся человек в белом плаще.

Грузный капитан не ответил. За его спиной возник худощавый парень в черно-серой матросской блузе и молча передал ему узел, в котором угадывались контуры небольшого округлого предмета. По прочной ткани расползались странные белесые пятна, и передавший груз молодой человек мог бы рассказать о характере этих пятен.

Это были кристаллы инея.

Но худощавый парень в матросской блузе так же, как появился, без слова и звука растаял за мощной спиной Бреннана-старшего. Тот, что в белом плаще, принял узел из рук капитана и двумя взмахами тонкого кинжала располосовал заиндевевшую ткань.

– Крепко прихватило, – сказал он, беря левой рукой, затянутой в тонкую перчатку, ребристую металлическую капсулу размером с кулак взрослого крупного мужчины. На одном из ребер капсулы стоял причудливый зигзаг и под ним – блеклые письмена, похожие на измученных, изувеченных, подползших совсем близко к смерти паучков.

– Крепко прихватило, – повторил человек в белом плаще, поспешно вкладывая предмет в поясную кожаную сумку.

– Этот чертов иней не таял даже тогда, когда в пазах плавилась от пятидесятиградусного зноя смола, – угрюмо отозвался капитан Бреннан. – Ну… Теперь ты.

Посланец вытащил из-под плаща продолговатый жестяной футляр, перехваченный серебряной спиралью, и протянул капитану Бреннану. Тот повертел в пальцах и медленно вытянул из футляра свиток. Несколько дождевых капель тотчас расплылись на плотной желтоватой бумаге.

– Не пачкай королевский герб. Тут все как положено, – с легкой укоризной откликнулся тот, что в белом плаще. – Если нам удастся осуществить задуманное, мы встретимся с тобой в другом месте и при других обстоятельствах. Но расплачиваться с тобой буду уже не я.

Капитан Каспиус Бреннан прищурился:

– Что ты имеешь в виду?

В смехе его собеседника сквозили холодные металлические нотки. Капитан подался назад и мгновенным, едва уловимым для глаза простого смертного движением выхватил короткий морской кортик. Работала только левая рука, сам Бреннан остался недвижим.

Человек в белом плаще покачал головой:

– Да нет, что ты! Я вовсе не имел в виду наемных убийц. Да и какой идиот согласится принять заказ на капитана Каспиуса Бреннана, новую грозу Омута?

Старина Брен облизнул губы и выговорил:

– Грозу… На твоем месте я не стал бы поминать те края так часто. Там совсем другие грозы.

– Хороший каламбур. Хотя ты прав. Ну, ладно… – Человек в белом плаще помедлил, прощупывая сквозь телячью кожу сумки округлый бок капсулы, и все-таки спросил:

– Кто-нибудь остался жив и в своем уме? Одного я видел, того, кто передавал тебе груз. Но одного.

– Ты же знаешь, что экипаж шел со мной на верную смерть. Большинства из них на борту уже нет. В кубрике лежат в гамаках связанными три матроса. Я отдам их в дом скорби и заплачу за них вступительный взнос, а там уж видно будет.

– Три свихнувшихся матроса – это понятно. Я спрашивал о живых и невредимых.

– Есть один. Мой штурман.

– А, этот самый? Наверно, в дом скорби его не возьмут, – медленно процедил человек со знаками Охранного корпуса. – Раз уж он в здравом уме и твердой памяти. А память – штука беспощадная и хранит в себе то, что лучше бы забыть. Но не получается, а Омут – о, это незабываемо!

– Я просил не говорить так. Тем более что в тех местах более употребительно слово Цитадель.

– Неважно. Память не обмануть. Тебе придется умертвить твоего штурмана. И немедленно.

– Не получится. Это мой сын.

– Вот как? Конечно, это определенно меняет дело, но тогда тебе придется поручиться за него, капитан Бреннан. Впрочем, я думаю, ты уже сделал это.

– Я поручусь за него. Только и ты, почтенный, должен дать мне слово, что не произойдет ничего дурного ни со мной, ни с моим сыном, ни с теми, кто нам близок. Ни мор, ни яд, ни сталь меж ребер… Иначе… иначе – ты меня знаешь.

Тот, что в белом, отвечал с полной серьезностью:

– Как я могу дать такое слово? Такое обещание требуй у судьбы.

– Я и так слишком много ее искушал. И само то, что я вернулся живым и привез тебе то, что ты просил… Из самого сердца Омута…

– Отец, ты обещал спросить у него, что мы везли, – прозвучал голос Бреннана-младшего, и парень в черно-серой блузе снова попался на глаза офицеру Охранного корпуса (или тому, кто в эти белые одежды рядился).

– А ты еще за него поручился, – усмехнулся получатель леденящего пальцы груза.

– Я… имел в виду, что мы должны знать, за что рисковали жизнью, за что сложили головы наши люди. – Юноша побледнел и скрипнул зубами. В носу лопнул сосудик, и из левой ноздри потянулась медленная, тягучая струйка – словно и ее прихватило мертвенным холодом, струящимся от капсулы. – Я не могу…

Капитан Бреннан тяжело задышал. Заколыхался всем своим массивным корпусом, и его здоровенная пятерня оказалась на затылке сына. Он швырнул того на палубу судна, как котенка. Человек в белом плаще невозмутимо следил за его действиями, сложив руки на груди.

– О! Я вижу, ты хорошо за него поручился, – констатировал он.

Бреннан-младший лежал на палубе с разбитым в кровь лицом и даже не пытался подняться. Ему вдруг показалось, что в каждой вене, в каждой артерии его тела вдруг перестала течь живая алая жидкость. Ему почудилось, что она, эта молодая кровь, вдруг стала тяжелой и ядовитой, как ртуть. Медленной, как остывающая равнинная река по осени, – когда текут в нее мутные потоки, подбитые по краям первым льдом. Перед этим ощущением отступила даже острая боль в виске и разорванной щеке.

– Гляди!.. – приподнял голову один из двух соглядатаев. – Блюет! И с морды кровь течет…

– Когда б тебя капитан Каспиус Бреннан так швырнул о шканцы, ты б и вовсе сдох, задница… Пшистанек! Эй, ты, отродье оборотня!

Лицо Пшистанека, широкое, добродушное, покрытое почти бесцветным сероватым пухом, перекосилось. Он поднялся в полный рост и встал на коньке крыши пристанного пакгауза, рискуя обнаружить себя и своего товарища. Он стоял и шатался, хватая влажный воздух перекошенным ртом.

Пшистанек не чувствовал, как дергает его за рукав Ялинек. В пятидесяти шагах от него корчился на палубе Бреннан-младший, и медленно гасло зеленоватое сияние, окутывающее судно. Казалось, его осадка стала еще больше – на локоть, на два, на три. И шипела, шипела у бортов белая вода.

Капитан Каспиус Бреннан был очень храбрым человеком, но он не стал оборачиваться, чтобы увидеть эту белую воду. Он стоял спиной к бухте и смотрел куда-то поверх плеча того, кто стоял напротив.

В этот момент откуда-то неподалеку, от близлежащих портовых строений, донесся крик – один, хриплый, напитанный скорее удивлением, чем страхом, и вслед за ним второй – теперь уже душераздирающий, полный боли, ужаса и тоски. В косых струях дождя увидел капитан Бреннан маленькую пошатывающуюся фигурку, приближающуюся со стороны старого пакгауза.

Маленький рост, длинные, едва ли не до колен, руки и мокрые мохнатые уши, торчащие из-под отброшенного назад капюшона, неопровержимо свидетельствовали, что на место событий пожаловал представитель самой несносной расы под светлым небом Альгама и Кесаврии – брешкху, или попросту брешак. Его блуза была густо перепачкана в грязи. Так, словно он в ней извалялся нарочно. Это неудивительно, ведь Пшистанек (конечно, это был он) упал с крыши пакгауза в самую грязную портовую лужу.

Он поравнялся с офицером Охранного корпуса, обошел его сбоку на полусогнутых ногах. И вдруг упал. Уже лежа на спине, он поднял руку с растопыренными пальцами и несколько раз попытался ухватить что-то невидимое, назойливое, словно кружащееся прямо над ним. Человек в белом плаще смахнул с края белой одежды несколько ошметков грязи, попавших на него при падении брешака, и произнес:

– Удушье. Не иначе сердечный приступ. Не торопись! – наклонил он голову навстречу капитану Бреннану, стронувшемуся было со своего места. – Ему не помочь.

Рука брешака, зависшая в воздухе, дернулась и упала, как отвалившаяся ветвь старого дерева. Несколько раз дрогнули посиневшие губы. Капитан Каспиус Бреннан сказал:

– Я его знаю. Это Пшистанек из Угурта, он служил у старого барона Армина.

– Как ты их отличаешь? – равнодушно ответил человек в белом плаще. – Для меня все брешаки на одно лицо. Интересно, что он тут делал. В такую погоду эти ленивые бездельники и носа за порог не высунут.

– Мне уже доводилось видеть, как они умирают вот так, – тихо отозвался капитан Бреннан и, кажется, добавил еще что-то, но громовой развал в бурном небе над пристанью начисто заглушил его слова. А может быть, и не говорил он ничего вовсе. – Брешкху очень чувствительны к разного рода магии и сами, как считается в отдельных кругах, не чураются примитивного колдовства.

– Ты это к чему, капитан?

– Его притянуло сюда то, что я тебе привез. Я уверен в этом. И это должно быть что-то запредельное, если у этого бодряка-брешака, который мог в жару выпить самую жуткую бормотуху, какие-нибудь двадцать кружек крепкого и мутного боррского эля… вдруг разорвалось сердце.

– Да, это оно, – подтвердил его собеседник. – Это сердце. Молись, чтобы оно не подвело и тебя!

Он огладил кончиками пальцев сумку, утонувшую в складках плаща и хранящую в себе капсулу из Омута. Закрыл глаза. Если бы так не текло с небес, то капитан Каспиус Бреннан

увидел бы, как на лбу посланца густо выступает пот. Если бы не поднимающийся от воды туман, который на глазах становился все более густым, капитан Бреннан разглядел бы, что бесстрашный офицер Охранного корпуса короля боится не меньше.

Человек в белом вскинул обе руки. Он направил раскрытые ладони на «Кубок бурь», и борта судна затрещали.

Заскрипела и прогнулась палуба. Натянулся и, крикнув, на высокой ноте лопнул фал, и полотнище стакселя заметалось под ветром, избивая мачту и реи.

– У тебя на борту оставался и другой груз… – пробормотал встречающий.

Судно разом вырвалось из воды, изменив осадку на несколько локтей – словно неподъемный и опасный груз, лежавший где-то там, в трюме, под кожами и брезентом, в один присест сбросили за борт. Человек в белом широко расставил ноги. Его качнуло, и он мог упасть прямо на тело бедняги Пшистанека, но удержался.

– Прощай, капитан, – наконец сказал он и удалился широкими неверными шагами, слегка подволакивая левую ногу. Это совсем не походило на ту горделивую поступь, которую явил он при своем появлении в этом глухом и унылом месте, не подобающем воину из лейб-гвардии короля…

Капитан Бреннан присел на корточки рядом с телом брешака Пшистанека и, вытянув из рукава булькающую кожаную флягу, сделал два отчаянных глотка. Его черные глаза быстро помутнели. Его окровавленный сын перепрыгнул с борта шхуны, облегчившейся столь стремительно и странно, и склонился над отцом и над трупом случайного свидетеля:

– Отец?! Как ты? Судно как будто на пару тысяч стормов облегчилось!..

– Мне-то что, – не поднимая лица, глухо откликнулся капитан Бреннан. – А вот ты запомни этот день. Потому что, чую я, тебе еще придется вернуться.

– Куда?

– Туда, откуда мы привезли этот груз. В Цитадель, за Столпы Мелькуинна. А может, и еще дальше. – Капитан Бреннан опустошил флягу и, швырнув ее наземь, повторил:

– А может, и еще дальше…

Нет нужды говорить, что второй свидетель этой встречи на пристани, брешак по имени Ялинек, уже был далеко: он драпал со всех ног, его прыти не умерило и то, что он упал уже дважды, разбил оба колена, а также вывихнул руку. Он добежал до своей каморки и, упав на топчан, накрылся с головой тяжелым колючим одеялом. Болела рука, мучительно ныли колени…

«Это что! Счастье, что они не добрались до сердца», – успел подумать Ялинек и потерял сознание.

Часть первая
Дети надежды

Знание – огромный гнет. Готов ли ты взять на себя сверх того, что можешь снести?
Из Государственной Иерархии знаний тайных и явных (надпись на корпусе Королевской библиотеки Альгама и Кесаврии)

Глава 1
Любопытство с привкусом крови

За четыре года до основных событий

– Тише, – сказал первый.

– Что ты орешь? Тише! – прервал его второй.

– Ну так я сам и сказал… тише!

– Вот и я говорю.

Темная тропа, мягкая, узкая, сама угодливо стелилась под детские стопы.

– Мальчики, давайте остановимся, передохнем, – вступил третий, совсем тонкий голос. Судя по всему, принадлежавший девочке.

– Вот оно, старое дерево. Нужно обойти вокруг него три раза против солнца.

– Но солнца не видно!

– А ты что, не знаешь, как и в какую сторону оно ходит по небосклону?

– Считаем круги!

Три фигурки выстроились в ряд.

– Раз!

Огромная крона дерева растрепалась под порывом ветра.

– Два!

Заскрипели под чьей-то ступней сухие сучья.

– Три!

– Ничего не изменилось, – сказала девочка. – Это правда работает?

– Кажется, стало заметно холоднее… – после повисшей паузы проговорил первый. – Да, правда. Жи-Ру не врал…

– А скоро мы увидим этих… ваших… которых ты выдумал? – быстро спросил второй.

– Если ты думаешь, что я шутил, когда говорил о суррикенах, то ты ошибаешься, – после небольшой паузы сказал первый.

– Очень я испугался каких-то там… страшилищ-недоростков! – Второй воодушевился и подпрыгнул. – Их, наверно, и на свете не существует, а так, россказни… Хотя… Хотелось бы уже повстречаться с… Кхм… Там, наверно, и кроме этих твоих суррикенов чудес хватает. Мне тут рассказывал один бывалый мореход, что Малая башня изнутри на самом деле огромная, как если бы ее надули, а снаружи не было видно, – продолжал второй, явно стараясь произвести впечатление на девочку, прислонившуюся к морщинистому древесному стволу. Та прижала рукой взлетевшие от ветра волосы и повязала их ленточкой. – И этот… э-э-э… старый корабел, который на своем веку понюхал все соленые ветра, сказал, что тут, в Малой, водятся чудовища из Омута.

– Да ну? Прямо из Омута? – насмешливо уточнил первый мальчик. В его голосе звучали иронические нотки. – Вот так прямо из самого из Омута?

– Ага! – хвастливо подтвердил второй и выкатил грудь.

– А, часом, эти чудовища не из «Баламута», а? Таверны, в которую время от времени заглядывает твой добрый мореход? В последний раз, когда опекун Армин уезжал в город по делам, твой старый корабел, кажется, загремел именно в «Баламут», да? В тот трактир, где вместо вывески – скелет одного из постоянных посетителей? Этот твой морепродукт там так набрался… опыта дальних странствий, что его потом втроем на телегу грузили.

– Что? Ты думаешь, что мне рассказывал… повар Жи-Ру? Он? Так, что ли? – снова петушком подскочил хвастливый второй. Впрочем, даже в прыжке он, приземистый и кривоногий, доставал первому разве что до груди.

– Ну а кто же еще? – пожал плечами ироничный. – Владетель Корнельский? Нет! Его доверенный ланзаат[1], кесаврийский ученый маг Астуан Пятый? Да боже упаси! Или хотя бы добродетельный барон Армин, мой добрый опекун? Ни в коем случае. Значит, пузатый болтун Жи-Ру. Больше некому…

– Мальчики, хватит ссориться, – подала голос девочка и высвободила свою точеную фигурку из грузной тени старого дерева. – Мы обошли вокруг ствола три раза против хода солнца. Вы же говорили, что иначе нам не попасть на Язык Оборотня. И что? Мы пойдем к башне или нет? Или вы, может быть, боитесь?

Высокий и ироничный промолчал, лишь заломил кисти в запястьях до легкого хруста в одном из них. Девочка вздрогнула. Маленький и хорохористый подпрыгнул, как укушенный. Он заговорил так быстро, словно опасался, что его перебьют и уже больше не дадут взять слово никогда:

– Разве вам неизвестно, что я наполовину брешкху? Наша раса никогда ничего не боится. Мы можем только… э-э-э… любопытствовать. Любопытствовать и предполагать, что же будет дальше. Вот и все. Какой там еще страх? Знать такого не знаю! Да идем! Уверен, что если мы встретим там порождение Омута, которому надоело сидеть в толще воды и которое решило обосноваться на суше… то… то… – Он лихорадочно подбирал слова и наконец нашел: – … то мне будет, что ему с-ссказать!

– В этом я нисколько не сомневаюсь, – улыбнулся первый. – Ну, пошли, что ли… До моря еще шагов сто.

Когда они преодолели еще полсотни шагов и вышли на косогор, то увидели то, что искали: башню.

Малая Астуанская башня располагалась на высоком обрывистом полуострове, который господствовал над большим заливом, уютно чувствуя себя там, как язык в пасти. С одной стороны этот залив ограничивала гряда острых, опасных, изъеденных солью скал; с другой стороны берега имели принципиально иной характер, и накатывавшие волны разбивались о влажный, покатый и дружелюбный, как лоб евнуха, глинистый массив.

Полуостров, на котором высилась Малая Астуанская башня, носил неласковое название – Язык Оборотня. Язык тот был шершавым, глыбистым и придавленным у самого основания древней каменной стеной с бойницами, с большими коваными воротами. Эта преграда стояла на пути каждого, кто умудрился дойти до этого места. Знатоки утверждали, что та стена в пять локтей толщиной, перевитая ядовитым плющом и незыблемая вот уже несколько веков, не первое, не последнее и далеко не самое серьезное препятствие на пути любопытствующих узнать, что же там такое деется в Малой башне…

Любопытным, сунувшимся на опасную тропу к башне, на троих было примерно столько же лет, сколько собачьим головам на решетке ворот – литым барельефам, которые установил предыдущий хозяин. Это было примерно полвека назад…

---

[1] **Ланзаат** – ученый маг Алой сотни с королевской лицензией.

– К воротам не пойдем, – сказал маленький брешак. – Лучше перемахнем через стену. Я знаю одно место… Пролом.

– Я тоже его знаю.

– Мальчики, ведите уж… А то пока даже и не страшно. Я, правда, ни разу тут не была.

– Да мы сами тут всего третий раз. И, кроме нас, тут никто из нашего городка и не бывал.

– А Жи-Ру?

– Ну, еще он… Может, еще кто-нибудь, – нехотя признал высокий паренек. – Тебе точно не страшно?

– Нет, – несмело отозвалась девочка.

– Страшно и не будет, – влез низенький. – А нам, брешакам, страх вообще неведом. Правда, мне он неведом наполовину… я же полукровка…

Бормоча это, маленький болтун приблизился к выщербленной серой стене высотой в девять или десять его ростов. У ее подножия недружелюбно молчала тьма. Под редкими порывами ветра выхватывались из этой тьмы ветки разлапистого кустарника, похожие на руки утопающих. И снова исчезали.

Сощурившись, маленький хвастун смотрел на жалкий серпик луны.

– Освещение сегодня не очень… Хорошо, что мы, брешаки, хорошо видим в темноте… Но я ведь полукровка… и…

Высокий молча пошел вдоль стены и наконец оказался возле едва заметного пролома, затянутого паутиной и густо заросшего колючим кустарником. Два взмаха узкого и изогнутого, как молоденькая луна, ножа – и открылся лаз. Оттуда пахнуло сыростью, мхом и смертью.

Обоняние не обмануло высокого: он поднял жестяную створку маленького фонаря и в зыблющемся желтом свете увидел труп какого-то животного, похожего на ящерицу-переростка. У основания острого гребня зияла глубокая рана, в которой кишели паразиты.

– Суррикен…

Девочка сдавленно вскрикнула.

– Рано, – пробормотал маленький брешак, – рано кричишь. Вот когда очутимся в башне – тогда… А это… Это кто?

– Эта тварь называется гребенчатый калидекстр… – отозвался высокий. – Только очень маленький какой-то. Я читал, что эти твари высотой в три человеческих роста.

– Ага. Калидекстр. Ну да. Точно! – Маленький хлопнул себя ладонью по лбу, как будто только что вспомнил имя хорошего знакомого. – Мне что-то рассказывал повар Жи-Ру… Хотя при этом он всегда говорил, что этих… как их… ка-ли-декстров не существует в природе… Что это… вр-р-р… бабкины сказки… Или что-то наподобие. Или не Жи-Ру говорил…

Тем временем высокий подросток рывком вытащил труп животного из пролома и, оттащив в яму, забросал ветками.

– Все. Можно идти, – сказал он.

Девочка колебалась и кусала губы.

– Да что вы? Мы еще можем вернуться домой, где тепло и вкусно, и поиграть в шары, что ли, – сказал высокий с едва ощутимой насмешкой в голосе. – Точнее, вы…

– Идем… – прошептала она и неожиданно для самой себя первой проскользнула в лаз. Нестерпимое зловоние шибануло в нос и перехватило дыхание, голые девичьи щиколотки обняла какая-то жижа. Но уже через три биения сердца ошалевшая от собственной смелости девчонка вырвалась на вольный воздух по ту сторону стены.

Через несколько мгновений все трое стояли в начале длинной аллеи, засаженной рододендронами и акациями. Нежный их аромат разительно контрастировал с миазмами лаза и щекотал ноздри.

Маленький брешак смешно сморщил нос и чихнул.

Аллея упиралась в фонтан, обнесенный высоким, почти в рост взрослого человека, каменным бортиком. Над кругом фонтана возносилось тусклое серебро водяных струй. Сотню шагов до каменного сооружения трое любопытных подростков прошли на цыпочках – так, как будто боялись потревожить чей-то покой. Они переглядывались. Они обменивались взглядами, в которых сквозили немые вопросы:

«Кто там шуршит в кустах?»

«Тебе лучше не думать об этом. Тебе лучше не знать этого, девочка».

«А, эти суррикены, чудовища-недомерки, которых вы обещали мне, мальчики?..»

«Мы уже видели одного, совсем маленького, совсем неудачливого. Мне показалось, что тебе вполне хватило…»

Шаг за шагом они приближались к башне. Вот миновали фонтан. Вода в нем кипела, и сноп брызг лег на лицо маленького брешака, когда он запрыгнул на бортик фонтана. «А ты действительно ничего не боишься?..» – донеслись до него слова его высокого спутника, и в тот же самый момент из черной воды, из свившегося тугими жгутами водоворота рванулась прямо к мокрой мордочке маленького нахала отвратительная змеевидная голова на лаковой шее. Брешак смотрел в немигающие мертвые глаза гада, на серебристый белый треугольник на горле прямо под нижней челюстью.

Тварь осклабилась. С клыков текла тягучая желтая жидкость. Завороженный, глазел на нее маленький путешественник.

Высокий рванулся и одним движением столкнул незадачливого брешака с ограждения фонтана.

– А-а-а-а!.. – начал было тот, но тотчас же его рот был запечатан узкой ладонью высокого.

Тварь поднялась над контуром бортика. Она уже перегибалась через него, показывая покатые плечи и прижатые к груди когтистые лапы, с которых капала слизь.

Девочка застыла на месте. Она, впрочем, не успела даже испугаться, потому что змеевидная голова чудовища качнулась назад и исчезла. До ушей подростков долетел сухой и хлесткий звук, похожий на тот, с каким ломается под ногой мертвая ветвь.

Плеснула в фонтане вода. Высокий негромко произнес:

– Он, наверно, испугался нас больше, чем мы его…

– Да ну?!

– Я точно говорю. Суррикен.

– Я не о том… Оно-то, может быть, и испугалось, а вот я и не думал бояться! – запальчиво возражал кому-то маленький. – А надо вам сказать, что мы, брешаки, не можем… Мы никогда не боимся…

Хвастуна не стали даже дослушивать. Инцидент с чудовищем из фонтана стал той последней каплей, после которой страх становится утомителен и постыден. Подросткам, попавшим на Язык Оборотня, надоело бояться.

Так что весь следующий путь через сад, за кронами деревьев которого виднелся громоздкий серый массив Малой башни, занял лишь пару минут. Это время было бы и еще меньше, не наткнись хвастливый брешкху-полукровка на хищное растение, стреляющее маслянистыми иглами и хватающее за запястья длинными колючими побегами.

Впрочем, высокий двумя энергичными движениями освободил своего незадачливого собрата. С его тонких пальцев сыпалась серая пыльца, похожая на пепел.

Брешак деловито отряхнулся. На разодранных руках алели длинные неглубокие порезы.

– Это что! – бодреньким голосом заявил он. – Вот если бы нам попалась стоглаз-трава, тогда было бы плохо. Это любимый цветок Предрассветных братьев. Я слышал, что если глядеть на лепестки стоглаза дольше, чем пять ударов сердца, то ты станешь рабом ордена… Ры… Ро…

– Ну это-то точно чушь. Стоглаз!

– Ра… Рры… ма… – не оставлял своих попыток брешак.

– Рамоникейя, – тихо выговорил высокий. – Мне шепотом рассказывали, что Предрассветные братья собраны в орден Рамоникейя, что в Черной Токопилье. И потому совершенно необязательно упоминать их вот здесь…

– А что будет?

«Ты лучше спроси, что было бы, если б меня с вами не случилось, дурень!» – мгновенно родился ответ, но ни единого звука не слетело с губ высокого паренька. Он шагнул в густые заросли плюща, нагло лезущего в лицо, и через несколько мгновений коснулся ладонями отвесной стены. У самой земли она поросла мхом, эта старая стена, по ней раскинулась сеточка тонких трещин и проступили белесые соленые пятна. Но все равно от нее веяло чем-то грозным, как от сомкнутых до поры глаз сторожевого чудовища.

Из кустов, сопя, вышел брешак. За его спиной вынырнуло бледное, но заинтересованное лицо девочки.

– Мы полезем по этой стене? Я слышала, есть заклинание, которое позволяет, как паучок, взбираться… и…

– Никаких заклинаний не существует, – перебил ее высокий. – Мы взойдем наверх и так, без этих ваших!.. Главное, держитесь за мной. Смотрите только на меня. Не по сторонам, не назад – только на меня!

Стена плюща вдруг затрепетала за спинами подростков и вздулась пузырем. Один за другим лопались стебли. Маленькому брешаку показалось, что теплая волна чьего-то натруженного, бесшумного, напитанного запахами сырого и чуть подгнившего мяса дыхания коснулась его шеи, дотянулась до его мокрой спины.

– Я же сказал: не оглядывайся!.. – донеслось до него злое шипение высокого. – А ты на первом же шаге не слушаешь!

Осадив своего маленького хвастливого товарища, высокий искатель приключений извлек из кармана, размотал и ловко закинул на башенный выступ узловатую снасть, к которой был привязан трехглавый крюк.

Царапнуло по древнему камню молодое железо. Веревка с узлами дернулась несколько раз и натянулась.

С удивительной легкостью паренек вскарабкался по отвесной стене и оказался на узком выступе, который огибал первый уровень башни.

Маленький брешак также проявил сноровку. Внизу осталась одна девочка:

– Мальчики…

Высокий стиснул зубы, удерживая слова, готовые вот-вот вырваться на свободу и окончательно растревожить ночь, смыкающуюся над головами.

Непоправимого не случилось. Все трое успешно оказались между зубцов каменной стены, примыкающей к древнему донжону. Маленький брешак не вытерпел и все-таки заглянул себе за спину, туда, в бойницу верхнего яруса, откуда открывался вид на темный сад с каменным фонтаном. Он успел увидеть несколько цепочек огоньков. Ему почудились снопы бледного света, вытягивающегося из хищного кустарника… Красные точки, попарно вонзающиеся в полумрак.

Рука его высокого спутника сорвала брешака с облюбованной позиции.

– Я же тебе говорил!

Но в этот вечер в Малой Астуанской башне говорил не он один.

Если бы эти трое только могли представить, какие последствия возымеет эта естественная юношеская потребность – проникнуть туда, куда не зовут. Туда, куда запрещено. Куда не попасть напрямую, просто идя по тропинке. О, если бы трое подростков знали, кто собрался

тут, в темном, гулком зале на втором ярусе главной башни! Если бы подозревали, чьи голоса будут разлетаться по углам, чьи тени будет завороженно вбирать тьма…

Но довольно. Тут был хозяин всех земель от побережья до Тысячелетней реки Тертеи – владетель Корнельский. Тут был кесаврийский маг Астуан V, держатель Алой сотни, самое имя которого произносилось шепотом между ударами сердца. Тут был лорд-протектор Охранного корпуса, глава королевской гвардии, знаменитый сэр Милькхэм Малюддо.

С менестрельских хоров, куда пробрались не в меру любопытные юнцы, было отлично видно и огромный дубовый стол с возвышением, за которым сидели четверо мужчин; и большой камин с алыми угольями, с которых стекало ленивое пламя. И брошенные наземь серые дорожные накидки, и стоявший у камина массивный желтый котел. Пустой, как высохший череп с отсеченной крышкой.

Владетель Корнельский был мрачен. Его собственный череп гудел как растревоженный улей. Время от времени грузный аристократ проводил всей пятерней по влажному лбу. На виске билась натруженная синеватая жилка, похожая на издохшего червяка. До него доносились негромкие слова Астуана, которые, впрочем, предназначались не ему:

– Катастрофа ближе, чем мы думаем. И мы пока не знаем, что делать. На этот раз нас ожидает не прямое противостояние, не война с открытым забралом. Мы даже не знаем, в глаза каких исчадий Омута нам нужно будет взглянуть, чтобы не допустить катастрофы.

– В самом деле? Вы же говорили, что все расчеты дают почти вековой резерв, – возник звучный баритон. Он принадлежал четвертому из собравшихся в пустом зале Малой башни.

– Ну… Это были не те расчеты. Тем более все наши люди, в частности ученые Алой сотни, знали, что цифры лгут, – сказал Астуан. Его высокие, четко очерченные скулы дрогнули. – Это говорилось только для одних ушей – вашего великого отца. Он должен был уйти в мир иной со спокойной душой. Без ощущения смертельной тревоги за державу.

– У него было предостаточно других ощущений, ставших смертельными!

– Все это так. Но тем не менее… Мы должны искать пути к спасению. И нам давно известен один такой. Очень просто. Я говорю о Даре Омута. Его пора задействовать: время пришло.

Перед мысленным взором владетеля Корнельского вдруг колыхнулась стена дождя – того мутного, назойливого, много лет назад выстилавшего окна корабельной каюты мучительным серым бархатом. Дождя, который шел, когда герцог еще не носил громкого титула и был просто капитаном Каспиусом Бреннаном-старшим. Пальцы заныли от холода, казалось, так и не выцедившегося из суставов за истекшие пятнадцать лет. Та ампула, покрытая инеем… Пенный «Кубок бурь», борта, трещавшие от неведомой и чудовищной тяжести вещи, привезенной из самого сердца погибели…

– Неужели все вот так? – снова взлетел высокий баритон, и вслед за ним вскочил и его обладатель. – Герцог, а вы…

– Да, государь. Все так, – отозвался владетель Корнельский и вытер пот прямо рукавом пыльного дорожного камзола. – Все так и есть.

Государь!

На менестрельских хорах съежились трое. Замерли, припав к полу, к теплой тесаной древесине, боясь и вздохнуть. Высокий паренек, впрочем, нашел щель в рассохшемся сплошном ограждении, обводящем зал поверху, но увидел только коротко остриженный затылок и спину человека, сначала нависшего над столом и тремя сидевшими за ним мужчинами, а потом выпрямившегося во весь рост. Того, кто только что был назван государем. Короля Альгама и Кесаврии, жизнетворного Руфа-Альвуса IV Шеппиана, взошедшего на престол не более полугода назад.

Между тем, невольно повинуясь порыву короля, поднялись и трое его собеседников. Владетель Корнельский, громадный, грузный, оказался почти на голову выше далеко не самого малорослого монарха.

Он произнес:

– Я не должен говорить подобного монарху, но молчать еще преступнее. Вы многого не знаете, сир. Вы просто не успели узнать это многое. Конечно, вы слышали о Столпах Мелькуинна и Покрове?

– Только то, что это строжайшая государственная тайна, вникать в которую не следует, чтобы не потерять голову, – резко ответил Руф. – Конечно, это не касается меня, но я решил не выбиваться из общего ряда. Тем более что я всегда считал, что это этакий забавный анахронизм. Этакая условность, сродни той байке, что король Альгама и Кесаврии умеет исцелять насморк одним прикосновением к переносице… Так что я не верю и не воспринимаю сказки из бабушкиных сундуков.

– А придется, – негромко обронил Астуан. – Сэр Милькхэм, покажи его величеству, что будет, если действие Покрова ослабнет или оборвется вовсе… Покажи, что будет, если жизнетворная сила Столпов обратится в тлен!

Лорд-протектор Охранного корпуса шагнул к желтому котлу, стоявшему у камина.

Он вытянул перед собой руку, словно в раздумье разглядывая длинные, унизанные перстнями пальцы. Крепко сжал челюсти, обнажив два ряда крупных желтоватых зубов, и сунул руку в пустой котел. Раздалось хищное шипение, словно плеснули масла на раскаленный металл – и тотчас плоть начала ворочаться, вздуваться крупными пузырями, как перегретая каша над жарким огнем. Рука сэра Милькхэма Малюддо задрожала… и вдруг большой кусок мяса из предплечья оторвался и упал в котел, открывая большую кровавую рану. Кровь пенилась, она не текла ручьем, а вспухала большими пузырями и падала, увлекая за собой все новые и новые куски плоти. Затрещали кости. Обнажившаяся лучевая кость руки и фаланги кисти потемнели и вдруг стали выгибаться, одновременно удлиняясь.

С губ сэра Милькхэма Малюддо сорвался короткий стон. Астуан кивнул, и тотчас же глава Охранного корпуса вырвал изуродованную руку из чудовищного котла. Деформированные кости стали принимать свои обычные очертания. Буйно нарастала и покрывалась новой кожей плоть.

Через минуту мощная рука сэра Милькхэма приобрела прежнюю форму.

– Унеси меня черный Илу-Март! Что все это значит? – медленно выговорил король Руф. – Но это же невозможно! Иерархия знаний тайных и явных запрещает даже думать, что подобное возможно!

– Ну не королю же!

– Я, конечно, догадываюсь, в чем дело… но…

– Храбрый сэр Милькхэм только что показал вам действие так называемого Котла лжи, выполненного из особого материала, привезенного из Столпов. Внутри этого котла и совсем немного над ним не властно защитное влияние Покрова. Вы понимаете?

– И что же… – тихо, не разжимая скрипнувших зубов, промолвил король. – И что же, скоро вот так же будет… под открытым небом? Только без возможности вернуться к первозданному виду?

– Да, – отозвался Астуан V. – И не иначе. Не забывайте к тому же, государь, что полоска земли, на которой мы находимся, это дивное и тайное место, куда все мы приехали в поисках суровых ответов, именуется Языком Оборотня. Это всего лишь красивое название, но я считаю, что никаких совпадений в нашей жизни не существует и не должно существовать. Герцог Корнельский, мне кажется, что нам действительно пора прибегнуть к силе главного Дара. Что скажете, господа?

На лице сэра Милькхэма появилось едва заметное недоумение. Владетель Корнельский же сухо ответил:

– Мне кажется, сейчас это преждевременно. Нужно выждать. Еще бы несколько лет…

– Нам и так потребуется несколько лет, чтобы осуществить задуманное. Наше счастье, что мне в свое время удалось правильно применить Дар Омута. Не с первого раза, конечно… Сейчас все идет своим чередом, и нельзя резко менять правила этой опасной игры, как справедливо заметил герцог.

– Подождите!.. Постойте! – раскатисто крикнул король, и каждый смог оценить мощь государевой глотки, в том числе и те, кто таился за балюстрадой на пыльных менестрельских хорах. – Не заставляйте меня чувствовать себя дураком! Я должен уяснить, о чем идет речь!

Массивное лицо владетеля Корнельского дрогнуло. Он медленно склонился перед бледным, растрепанным Руфом и осторожно проговорил:

– Мы не можем и помыслить о том, чтобы ставить вас в двусмысленное положение, ваше величество. Мы же не враги ни государству, ни себе…

Он не успел договорить. Маленький брешак, притаившийся на хорах, вдруг почувствовал, что фрагмент старинной балюстрады с балясиной, на которую опирался незваный гость, начинает просаживаться, неотвратимо вываливаясь наружу.

Послышался негромкий треск. В нос подростка шибанула струя рыжей прелой трухи. Он смешно сморщился и, тряся головой и судорожно закрывая лицо руками, все-таки чихнул.

Владетель Корнельский поперхнулся на полуслове – словно и до него достал выброс рыжей трухи, забил глотку, шершаво осел в ноздрях. Он оскалил зубы и вскинул голову к хорам.

Именно в этот момент два пролета балюстрады вместе с переломившимися балясинами рухнули вниз, в зал, где собрались важные персоны. Собрались, как полагали они сами, втайне от всего мира.

Изогнутая лента деревянного пролета криво вспорола покров этой тайны. И обрушилась на темный паркет, разваливаясь на части. Чихая удушающей рыжей, ржавой пылью.

– Что такое? – разом прогремели несколько голосов, а высокий баритон прибавил еще и незамысловатое проклятие.

Сэр Милькхэм вскочил прямо на стол, за которым восседали еще секунду назад его высокопоставленные собеседники. С легким шипением высвободился и сверкнул в его быстрых руках металл. Глава Охранного корпуса выбросил перед собой узкое серебристое дуло «серпантина», и с него сорвалась короткая белая вспышка. Одна, и другая, и третья.

Двумя выстрелами сорвало еще один фрагмент и без того щербатой балюстрады; во все стороны брызнули щепки, и маленький брешак охнул, почувствовав, как кольнуло в правом предплечье и рукав стал темнеть, набухая от крови.

– Бежим!

– Взять!!

Эти два возгласа, один тихий и хриплый, второй с чугунными нотками истового гнева, прозвучали одновременно. Высокий паренек, одним движением смахнув кровь с распоротой щеки, с силой толкнул сначала девочку, а потом брешака. Оба скатились в лаз, через который, собственно, они и пробрались в башню. Сэр Милькхэм выстрелил в четвертый раз. Он был почти уверен, что последний заряд ушел точно в цель: наверху метнулась и, переламываясь, пропала длинная нескладная тень.

Менестрельские хоры опустели.

Король Альгама и Кесаврии, бледный, насупленный, вслед за начальником своей охраны запрыгнул на стол и, задрав голову, взглянул на развороченные хоры. Замешательство во взгляде уже отступило: Руф выглядел сосредоточенным и готовым к отпору.

– Ушли?

– Не уйдут, – коротко ответил сэр Милькхэм. Его массивный корпус качнуло взад-вперед, и он взмыл вверх, туда, где на высоте роста четырех взрослых мужчин покоилась старинная

люстра о пятидесяти свечах, кованная в виде многорукого чудовища. Глава Охранного корпуса ухватился за одно из бронзовых щупалец, раскачался и перемахнул на хоры.

Задрожали, запрыгали огоньки в лапах многорукой люстры. Вырвалась одна из свечей и полетела вниз; и тут в древнем потолке, хранящем на себе следы многовековой копоти, что-то хрустнуло. Уже прадеды тех, кто собрался сейчас под огнем бронзового чудища, не знали и знать не могли, что под толстым слоем этой копоти – древняя фреска: голубое, глубокое небо, и парит в этом небе невообразимо изящное перьевое облако. В форме то ли птичьего крыла, то ли изящной дамской прически.

И вот это черное, испакощенное небо – раскололось.

Раскачивающаяся тяжелая люстра сорвалась с блока – а может, попросту разъялось одно из звеньев подвесной цепи. Огни вытянулись светящимися змейками, затрещали свечи, и тяжеленная железная конструкция грянулась оземь.

Она едва не накрыла с головой владетеля Корнельского. Если бы тучный герцог не проявил в последний момент легконогую мальчишескую прыть и не отскочил, как ошпаренный кипятком поваренок, то быть ему пронзенным этими черными, твердыми щупальцами, на конце каждого из которых раскрывался чеканный глаз.

Но получилось еще хуже.

Люстра врезалась в пол и, подпрыгнув, опрокинула и расколола Котел лжи.

Из желтого зева массивной посудины стали медленно, как кольца просыпающегося удава, вытягиваться прихотливые клубы дыма. Нежного, мягко опалесцирующего жемчужного дыма. Когда его увидел владетель Корнельский, у него задрожала челюсть. Зубы выбили судорожную короткую дробь.

Сверху, с хоров, глядел сэр Милькхэм Малюддо. Он видел нежный дым, его маслянистые кремовые переливы и проступающие под ним голые, мучительно вытягивающиеся кости людей…

Первых людей страны.

Трое любопытных убегали, не чуя ног. А в случае с маленьким брешаком – еще и рук: правая кисть онемела и обильно кровоточила, и высокий буквально на бегу перетянул ее обрывком ткани.

Вот это был бег! В голову не лезли назойливые мысли о том, что в саду, кишащем шепотками и тенями, бродят эти чертовы суррикены Малой Астуанской… Что где-то в водах фонтана сидит та тварь… Что нельзя глазеть по сторонам и даже на мгновение замедляться, чтобы восстановить дыхание хотя бы немного…

Но самое страшное было еще впереди.

Троица проскочила аллею и уже приближалась к ограде, в проломе которой лежал тот мертвый суррикен… Они не оглядывались, и потому никто из них не увидел, как над садом задрожало туманное облачко. Оно потяжелело, разрастаясь и наливаясь изнутри нездоровым фиолетовым сиянием. Тусклые отблески этого сияния упали на каменную ограду.

И тогда трое все-таки обернулись. Все разом – забыв о запретах и повинуясь единому для всех волевому импульсу.

Туча, уже закрывшая собой добрую треть сада, задрожала. Затрепетали ее белые пенные прожилки, несколько липких зеленоватых капель попали на бледные детские лица. Брюхо тучи распоролось, и вывалилась из нее громадная, подтекающая размытыми багровыми полутенями морда. По сравнению с этой чудовищной тварью тот змей из бассейна показался бы маленькой ящерицей, поднявшейся погреться на камни…

Два глаза. Темно-красные глазные яблоки были рассечены узкими вертикальными зрачками, золотыми, как серп молодой луны.

Липкий страх парализовал всех троих. Им показалось, что разом смолкли все звуки, что застыли листья сада, словно пришпиленные к невидимому контуру. Гигантская башка склонялась все ниже, и уже можно было оценить поистине колоссальные размеры твари. Высокому показалось, что из двух ноздрей чудовища исходит зеленоватый дымок. Странный слабый запах дошел до подростка, и он вдруг очнулся, выпал из гибельного оцепенения. Он развернулся, перехватывая обоих своих спутников, и поволок их в пролом.

Золотые зрачки твари дрогнули, искривляясь подобно месяцу. Однако это стало единственным движением чудовища. Неподвижное, оно наблюдало за тем, как подростки исчезали во тьме у подножия каменной стены. Впрочем, еще не перестали шевелиться верхушки кустов, потревоженных беглецами, как чудовищная голова начала втягиваться в грузную, просевшую почти до верхушек садовых деревьев тучу.

Впрочем, этого они уже не видели. Трое любопытных нашли себя на берегу бухты, далеко оставив за собой Язык Оборотня. Бока ходили ходуном. Маленький брешак клацал зубами – не столько от страха, сколько от слабости. Высокий паренек провел по щеке, и кончик пальца легко ушел внутрь и коснулся зубов.

– Насквозь, – констатировал тот. – Да еще так удачно. Еще немного, и быть бы мне без челюсти.

– Еще немного, и быть бы всем нам без головы!

– Аннабель, как ты? – быстро спросил высокий.

Девочка подняла голову. В ее больших глазах отразилась гладь залива, зарябившая под порывом ветра. Луна задрожала на воде, покачиваясь, удваиваясь; и почудилось всем им, будто глянуло из глубины бухты кровавое око Зверя о двух золотых зрачках.

Косо, свирепо взрезали эти серповидные зрачки лоно вод.

– Что… что это было? – пробормотала Аннабель и коснулась рукой плеча высокого паренька. – Что это было, Себастьян?

Тот глубоко вздохнул, помассировал виски и наконец ответил очень серьезно:

– Такого не бывает, все это блажь и иллюзия, насланная из чуждых земель. По крайней мере, такой заученной фразой ответил бы мне мой наставник. А повар Жи-Ру, на которого так любит ссылаться Ржига, – он махнул рукой в сторону маленького брешака, который, сопя и морщась, тыкал в повязку здоровой рукой, – так и вовсе привел бы какую-нибудь байку с упоминанием рецепта, как и с какими приправами надо готовить вот этого Зверя… Ладно! – выдохнул он. – Я все равно узнаю, что это за тварь и отчего она не тронула нас. Даже если окажется, что таких чудовищ нет и не может быть и что нам нужно просто проглотить пилюлю и забыть…

– Мне рассказывали, что в баронской библиотеке есть книга, которую читал… мой дядя Ялинек… – начал было Ржига, и пушок на его голове растрепался и вздыбился.

– Я думаю, едва ли кому-то из тех, кого мы знаем, доводилось слышать о Золотом Зрачке, – уверенно прервал его Себастьян. – Но я все равно узнаю. Даже если ради этого придется заглянуть туда, где рождаются прародители зла.

С надеждой и тревогой вглядывалась в его бледное лицо Аннабель. Продолжала свой тягучий танец на воде молодая луна.

И тут за спинами трех путешественников возник сухой, короткий звук. Словно хрустнула под чьей-то ногой ветка. В десяти шагах от берега начиналась полоса негустого смешанного леса, и звук шел именно оттуда.

Себастьяна как подкинуло. У девочки не успели даже искривиться губы в беззвучном крике: «Не ходи!..» – как он метнулся в темные заросли и мгновенно затерялся в темноте. Послышался треск ломающихся ветвей, чье-то шумное дыхание, потом – задушенный писк, в котором нельзя было признать голос Себастьяна.

Собственно, пищал и не он. Ветви расступились, и на берег вышли двое. Один, высокий, держал за шкирку второго – приземистого, с рваным клоком бороды и лукавой круглой физиономией. Плутовство было разлито по ней и сейчас, когда этот бородач находился далеко не в самом выигрышном положении. Себастьян дал ему мощного пинка, и бородатый скатился к береговой линии, плюхнувшись в воду спиной. Он лежал и скалил зубы.

– Аюп Бородач! – выдохнул Ржига и прибил ладонью стоявший дыбом пух на голове.

– Аюп Бородач, он самый, – хмуро подтвердил высокий Себастьян. – Шпионил за нами. Тебе чего не спится? Только не говори, что ты следовал за нами ради общего же нашего блага.

– Ты сам все сказал, – все так же по-плутовски скалясь, отозвался Аюп Бородач из лежачего положения.

Себастьян подошел к нему, схватил за одежду, встряхнул, поставил на ноги. Макушка коротышки приходилась рослому пареньку чуть выше пояса. По этой-то макушке Себастьян хлопнул ладонью и спросил отрывисто:

– Где был, что видал, старина Аюп?

– Да чтоб мне бороду на паклю пустили!. – выразительно начал тот, блестя маленькими глазками и активно работая нижней челюстью. – Ты же знаешь, что мне вменено в обязанность ходить за тобой повсюду, иначе зачем я нужен? Вот только, правда… – Аюп Бородач потупил глаза и выдавил: – Когда вы полезли за стену на Языке Оборотня, мне за вами не хватило духу… Это… Как его…

– Последовать, – подсказал бойкий Ржига.

– Во-во…

Себастьян не стал дожидаться, пока незадачливый Аюп подберет слова. Он крепко взял его за бороду, притянул эту лукавую круглую морду прямо к своему лицу, к широко расставленным темно-синим глазам, и произнес с расстановкой:

– Что бы ты ни видел – этого не было. Понятно? Ты еще должен радоваться, что я не полез в лес с рогатиной и не пропорол тебе брюхо.

– Ну, меня даже на мясо не пустишь, – с примирительной ноткой отозвался Аюп Бородач. – У меня и кровь-то жиденькая, как помои. Не то что у тебя – вон как кровища-то хлестала.

– Это все от любопытства, – хмуро ответил Себастьян и погладил рассеченную щеку. – И давайте уберемся отсюда поскорее, пока то, чего не бывает, не случилось с нами снова…

Глава 2
Следы на побережье

Он совсем не помнил своих родителей. Конечно, он знал, что они были, что они не могли не существовать. Потому что в этом занимательном мире только очень нежная близость мужчины и женщины могла породить вот такого, как он. Высокого, темноволосого и темноглазого, с тонкими запястьями, с высоким лбом. Застенчивого, юношески нескладного. То угрюмого, то веселящего всех окружающих до судорог – но и в последнем случае он редко давал себе труд даже улыбаться. Иногда Себастьян садился у узкого, похожего на бойницу окна своей комнаты и начинал представлять, какими они могут быть, – родители его одиночества.

Отец… Ну конечно, он был высок, необъятен в плечах, у него была густая черная борода, в которой запуталось сияние небес, в которой заблудились капельки холодного моря. Несомненно, у него была отменная стать и при этом отточенная пластика дикого зверя. Зажмурившись, бледный Себастьян осознавал, что на самом деле все это чушь, чушь оголтелая, и, скорее всего, был его папаша каким-нибудь мелкопоместным дворянчиком. Гордым, как демоны Омута, да нищим и голым, как дешевая соленая селедка ценой в две медные монеты. Раскидывал свое семя куда ни попадя. И за последствия его проращивания не отвечал. Так, наверно, и появился на белый свет Себастьян.

Но мальчишке хотелось мечтать о том, что все было иначе. Что может сбыться даже самая высокая, самая небывалая мечта.

Что бывают в мире чудеса.

Ему казалось, что он немного помнил свою мать. Совсем чуть-чуть. Она и была этим чудом, по крайней мере, осталась как чудо в памяти своего единственного сына: два крыла темных волос, ласково обнявшие тонкое лицо; темные бархатные глаза, растворившие в себе теплую летнюю ночь. Он помнил, как шевелились губы, легко выпуская нежные, тихие слова: «Сынок, когда ты вырастешь, ты узнаешь».

Себастьян действительно любил узнавать. Он был болен неотступной – и едва ли способной уняться даже от самого большого глотка – жаждой всего нового. Часто это было лишь легкое мальчишеское любопытство. На уровне детской шалости. На уровне веселой вседозволенности – лишь бы сунуть свой длинный нос в пыльные складки бытия.

Но порой вступало иное. Тяжелое, недоуменное чувство познания. И тогда Себастьян часами одолевал вопросами тех, кто мог ну хоть что-то ответить: и своего наставника, пыльного мэтра Карамотля, и толстяка повара Жи-Ру, а порой и самого опекуна, барона Армина. Он совал им в нос какую-то растрепанную книжку с силуэтом какой-то птицы на переплете.

Скучный, вечно простуженный мэтр Карамотль только отмахивался от вопросов типа: «Возможно ли построить такой корабль, чтобы достать до дна Омута?» или «Говорят, что близ Столпов Мелькуинна плавают огромные ледяные горы, которые не тают, даже если вокруг них кипит море?».

Мэтр бесконечно сморкался, ежился и бормотал:

– Тсс! Это все чушь. Блажь. Не слышал ни о каком Омуте. Нет такого. И какие еще ледяные горы? На такие вопросы тебе и в Школе Пятого окна отвечать не будут… Кипящее море… Тьфу! А тебя и во Второе окно не хотели принимать…

Впрочем, даже если мэтр Карамотль и захотел бы ответить на вопросы бледного и сосредоточенного Себастьяна, то едва ли смог бы. Этот длинный, тощий зануда предпочитал не поднимать носа от пыльных томов, из которых черпал свою сомнительную книжную мудрость.

Все новое и свежее вызывало у него оторопь и испуг старой девы, которую вдруг окунули в речку.

Он не любил Себастьяна и относился к нему с подозрением. Время от времени он вспоминал, что в год рождения мальчика, а также за год до этого в городке и в окрестностях пропали то ли четыре, то ли шесть девушек. Кроме того, был не рыбный год, и разорились три рыбацкие артели. Что-то в этом есть…

Мэтр Карамотль рассуждал об этом так, словно во всем был виновен лично Себастьян.

И в пропаже девиц, и в разорении рыбаков.

Эту ахинею он мог нести в ответ на практически любой вопрос мальчика.

Опекун Армин не интересовался ни вопросами Себастьяна, ни пыльными книгами с изображением птицы. Крылатые создания вообще привлекали его ощипанными и в жареном, а лучше тушеном виде.

Кстати, о еде: толстый повар Жи-Ру был куда более информативен, чем зануда Карамотль и барон Армин.

В свое время он двадцать лет отходил коком на судах его королевского величества и оттого умел отвечать на любой вопрос, не сморгнув. Помимо богатого опыта, он имел за душой семь тысяч отменных рецептов, которые щедро сдабривал вдвое большим количеством загадочных историй. Дивных и давних легенд. Страшных сказок и занимательных баек. Словом, в окрестностях не было той глупости и сплетни, которую не мог воспроизвести повар Жи-Ру.

От него-то и наслушался Себастьян…

Ну а помощник Жи-Ру, повар второй руки Ржига, быстро перенял у шефа и манеру с важным видом нести самую ослепительную небывальщину, и привычку надувать щеки. И даже разухабистую «штормовую» походку.

Вот этот Ржига и был самым близким – нет, не другом, наверно, просто приятелем Себастьяна. По крайней мере, именно он, этот шустрый и шумный ушастый парень, более остальных подходил под сомнительное определение «приятель Себастьяна».

Нельзя сказать, чтобы Себастьян принимал его всерьез. Все-таки когда рядом крутится брешак-полукровка, каковым и являлся ловкий Ржига, – сложно вообще сохранять серьезность. С другой стороны, сам Себастьян был таков, что по нему и не всегда можно было определить – всерьез он или шутит.

Так или иначе, но полукровка и Басти (таким именем-огрызком Ржига именовал воспитанника барона Армина) нашли друг друга. Вот уже три или четыре года вместе лазали по окрестностям, вместе издевались над челядью, вместе дразнили охотничьих тварей барона Армина. А однажды – тоже вместе – даже попытались пролезть в одну из астуанских башен. Точнее, в ту, Малую, на отшибе. В которую никто не мог найти дороги.

Когда об этом узнал барон Армин, он отреагировал странно. Орал, подпрыгивал, лупил глаза, вертелся и плевался во все стороны, как будто из него изгоняли злокозненного демона: «А-а-а, лопни мое чрево! Вы что, не понимаете, если узнают там! То…»

Жиденькая экспрессия опекуна была понятна: сам владетель Корнельский, хозяин астуанских башен, очень не любил, когда совали нос в его владения. Поварята на кухне болтали, что хозяин башен якобы отдал Малую в пользование барону Армину, и тот охотно принял высокую эту милость.

Конечно, это была полнейшая чушь. Но стоило, помнится, болтливому Ржиге упомянуть об этом сомнительном факте, как с проклятием, не делающим чести даже пьяному конюху, барон Армин опрокинул его тычком в грудь. И, повалив на дощатый настил, стал истово пинать ногами:

– Когда ж я тебя, отродье плешивого оборотня, научу не совать свой обляпанный золой нос не в свои дела! Кишки Илу-Марта! Пшёл отседова, а! Еще раз, и отправишься прямиком в трудовики!

Такая угроза могла бы выбить сноп искр даже из наковальни. Трудовики, или трудовые рекруты, поступавшие в распоряжение славных великих интендантов, пропадали на двадцать

пять лет. Это было славное время свершений. Для многих – безо всякой иронии. Бывало и такое, что люди приходили к приземистым корпусам интендантств, притаившимся в массиве городских зданий, и сами просились в Трудовую армию. Но чаще принимали вызов о том, что надлежит явиться для несения военно-трудовой повинности, со стоическим смирением: так надо.

Понятие долга перед державой вообще было очень сильно развито у жителей Альгама и Кесаврии, подданных твердого Руфа. Они любили свою родину.

И это не шутка.

У Себастьяна и Ржиги с шутками был полный порядок, зато со смирением – куча трудностей. Понятно, что обычный послушный мальчик не полезет на Язык Оборотня. И даже не станет искать туда дорогу. Это не его ума дело – выяснять, насколько домыслы рыбаков-артельщиков о пресловутых чудищах-суррикенах соответствуют истине. Мало ли что брешут длинные рыбацкие языки? Один из них вообще рассказывал, что барон Армин на завтрак ест детские печенки, которые с большим мастерством приготавливает его повар Жи-Ру. «И, кажись, по рецепту из самой Токопильи! – глубокомысленно уточнял рассказчик. – Рецепт тот придумали в ордене Рамоникейя, а привез его, значит, в наши края сам старый Бреннан, владетель Корнельский!»

У Ржиги, который и принес эту сплетню из знаменитой таверны «Баламут», тогда еще хватило ума спросить у повара Жи-Ру:

– А правда, что ты знаешь рецепты, по которым готовят печенку?

Повар выплеснул на него ушат с помоями.

Кстати, еще неизвестно, что сделал бы сам добрый барон Армин с незадачливым брешаком в том случае, если бы он узнал, сколь глубоко трое любопытных заглянули четыре года назад за Язык Оборотня. Дело в том, что славный барон Армин даже и предположить не мог, что ребята там действительно были.

Не потешили свое детское воображение страшными сказками, а направились прямо в сердце беды.

Теперь, по прошествии такого количества времени, все трое участников похода в Малую Астуанскую башню просто предпочитали не вспоминать о нем. Как будто ничего не было. Как будто все это – мертвые и живые суррикены, черные тени и шепоты в ночном саду, камни старого донжона и алые глаза чудовища, рассеченные золотыми зрачками, – было лишь видением. Словно разговор четверых влиятельнейших людей страны, нежданно приключившийся в таком неподобающем месте, – всего лишь чей-то нетвердый пересказ из школьной хрестоматии о делах легендарных, давних, а оттого имеющих мало общего с действительностью.

Некоторые фразы из этого разговора навсегда засели в мозгу Себастьяна. Однако он не повторял их даже про себя. Зачем повторять то, что все равно никогда не забыть?..

Он отлично помнил и свое обещание, данное там, на берегу залива, под светом молодой луны: «Я все равно узнаю, что это за тварь». Теперь он не знал, с какой стороны ухватиться за это обещание, данное при двух свидетелях. Ах да… при трех. Еще был Аюп Бородач. Впрочем, единственным, кому он хотел бы дать отчет в тех словах… Точнее, единственной… Конечно, это была Аннабель.

Былая грубоватая привязанность, полудетское стремление покровительствовать ей по праву сильного – все это, кажется, претворилось в нечто более серьезное. И тут Себастьян тоже предпочитал не подбирать слов. При одной мысли об Аннабели он стискивал зубы. Вот уже года три она не жила в доме своего отца, барона Армина: он отправил ее в город к некоей тетушке Марл… э-э-э… Барл или Карл. Эта тройная тетушка, по мысли родителя, должна была дать девушке отменное воспитание.

Сам Себастьян ездил в центр их провинции крайне редко: от прибрежных поселений, где располагался дом и участок Армина, их отделяла полноводная река Тертея и два дня пути.

Себастьян даже вызвался идти добровольцем на строительство моста, который возводил через эту реку пятый полк Трудовой армии: после того как мостовое сооружение введут в эксплуатацию, расстояние до города сократится втрое.

Естественно, ни в какую Трудармию он не попал. Опекун, отозвавший просьбу воспитанника из местного интендантства, очень доступно объяснил Себастьяну мотивы этого поступка:

– Черный Илу-Март и все его псы! Сожри меня жабья плесень! Я понимаю, что твои мозги годятся только на то, чтоб вбивать костыли и сваи, или что там городят эти работяги из Трудармии! Но я… Я не позволю тебе вырасти окончательным оболтусом! Да! Нет!.. Нет, я поступлю иначе!.. Ты все-таки окончишь ну хотя бы школу Второго окна… пока тебя не вышибли пинком в дверь! Это непременно сделали бы, если бы не мое доброе имя. Все ж знают, на чьем попечении ты находишься, и терпят тебя из уважения к моим сединам!

Насчет седин добрый дядюшка Армин явно погорячился: он был практически полностью лыс, а о цвете тех немногочисленных волос, что еще имелись в наличии, сложно было судить.

– В общем, так: школу Второго окна способны окончить даже отъявленные тупицы, даже те, что мелют языком на моей кухне. Я имею в виду этого недомерка Ржигу, твоего дружка. Вот этот тип точно загремит у меня в Трудармию, когда подойдет время. А ты – марш за книжки! И чего я держу тут этого заплесневелого болтуна Карамотля?

– И чего вы держите болтуна Карамотля? – с живостью подхватил Себастьян, который все это время стоял, потупив глаза, и старался иметь вид серьезный и печальный.

– Что? А?.. Да! Нет! Молчать! Не перебивай меня, щенок! И чего я держу этого пыльного старикашку, раз уж он не способен вложить крупицы знаний в твою башку? – закончил мысль опекун. – В который раз поражаюсь своей доброте! А, ты еще здесь?.. Маррш!!

Себастьяна вынесло из комнаты. Барон Армин с сокрушенным видом развел пухлыми руками и залпом выпил кружку эля.

День, который переломил жизнь Себастьяна и задал новую точку отсчета – до и после него, – начался неброско. Тускло. Бессодержательно. В ночь накануне этого бесславного дня полубрешак Ржига нарушил все мыслимые запреты и отправился в таверну «Баламут». Здесь он встретил своего родного дядюшку Ялинека – чистокровного брешкху, если вообще можно было считать чистой кровь, в которой текло такое количество алкоголя.

По состоянию сердца Ялинеку вообще не рекомендовали употреблять вино, в особенности дешевое альтеррское пойло, которым он несколько злоупотреблял последние несколько лет своей жизни. Однако он не обращал никакого внимания на эти дурацкие советы.

В ночь появления в «Баламуте» Ржиги его дядюшка Ялинек сидел в самом дальнем углу таверны и в самой предосудительной компании. Здесь были двое торговцев, высланных из центра провинции за мошенничество; два пьяных рыбака из артели Ганроута, какие-то растрепанные девицы с голыми грудями, мордоворот с неопределенным родом занятий, а также портовый вор Бубба и бакалейщица Бабба, похвалявшаяся связью с местным интендантом Трудармии.

Впрочем, на этот раз обсуждали не половую активность милой бакалейщицы. Даже несмотря на то, что все участники беседы были в приличном подпитии и то и дело прикладывались к общему кувшину с крепким бурым элем, говорили тихо, почти шепотом. Вытягивали шеи и пригибались к деревянной, заляпанной соусом столешнице:

– Я сам видел. Парни из нашей артели даже сеть порвали, когда тянули, а ведь сеть… оно… тово…

– Да, попалась нам тварь не из нашего мира… Вроде и рыба, только вот не слыхал я, чтоб у рыб были ноги… И таких зубов, как в пасти у той страшилищи, у наших берегов не доводилось видеть. Не иначе как ее изрыгнул сам Омут!

– Враки все это… Нужно у кого поумней спросить…

– У кого? Мож, напишешь самому владетелю Корнельскому?! Он-то тебе, сквернавцу, враз ответит…

– Тшшш! Что там еще было, артельный, скажи?

– Когда мы миновали пролив Мару, вся вода стала кипеть, а в глубине появились какие-то огни… Так, как если бы дно вдруг стало раскаленным! Наши шутники забросили бреденек, тот, на цепях: решили, значит, поймать того демона, который все это учинил. Если б с нами был сам Ганроут, он бы не разрешил такой отчаянной глупости. Но старшему артельному перед самым выходом занедужилось, не пошел он на промысел. А так… вытянули мы какую-то тварь с двумя песьими головами и с ядовитыми щупальцами, от них на руках кожа лоскутом сходит, ежели тронешь… Но это еще были цветочки… Вытащили мы наши посудины, чтобы, значит, почистить днище…

– А у Серого мыса, слышно, о прошлой неделе поймали в море демона – видом как волк, только без шерсти и с жабрами… – перебивая предыдущего рассказчика, встряла бакалейщица Бабба. – Рыбаки его показывали за три йодла на ярмарке в городе. Пока городской глава не велел тварь отобрать, а рыбакам – отписать бумагу, по которой те ничего не видели, не слышали, в чем и расписались.

– Ой, вру-у-ут…

– Не скажи…

– За такие сплетни могут и к ответу призвать. Дескать, разлагаешь своей болтовней, вместо того чтобы работать. А за показ неведомой твари на ярмарке можно загреметь и в штрафной полк Трудармии… Так что – чушь это, не было такого.

– Армия! Не тем она занята, не тем! Близится война с Черной Токопильей, – авторитетно заявил вор Бубба, так, словно у него были осведомители в самом ордене Рамоникейя. – Только Предрассветные братья, эти псы, могут подкинуть нам такую подлянку, запустить в наши воды всех этих тварей. Уж я знаю, я много повидал на этом свете. Испытал такое, что вам не снилось! Тьфу ты!.. Чтоб мне пропасть!

И он сплюнул прямо на локоть мясистой бакалейщице Баббе, за что получил чувствительный тычок в бок.

В свое время Бубба просидел два месяца в тюрьме. В застенок он загремел вовсе не за кражу (за это могли и повесить), а за предположительную причастность к похищению нескольких девиц из Угурта и окрестностей. До слабого пола Бубба всегда был большой охотник, но тут подозрения не подтвердились. Буббу выпустили, но с тех пор он считал себя страдальцем и, что называется, тертым.

– Какая война? Токопилья далеко, за океаном, за Омутом, – влез один из артельных. – Чтобы затевать войну, нужно хотя бы доплыть. А мы отродясь не видели тут ни одного ейного корабля.

Тут слово взял Ялинек. Этот был вдребезги пьян, однако его пивной класс был таков, что позволял участвовать в разговоре практически безо всякого ущерба для проникновения в тему.

– Близится время оно! – без обиняков объявил он. – Будут вам корабли Токопильи! Будут Предрассветные братья и прирученные ими твари! Я собственными глазами видел, как из дальних пучин Омута вернулся корабль, привезший нам погибель! Старый Пшистанек умер на месте, да и мне не быть бы живу, если б не припустился бежать! С тех пор минуло два десятка лет, и теперь точно говорю вам, честная братия: близится время оно! И чтобы выжить – одной согбенной спиной и мозолистыми руками теперь не обойтись!

Конечно, никто не собирался принимать мрачные пророчества Ялинека всерьез. Многие справедливо полагали, что таким оригинальным манером он изображает неполную вменяемость. Уклоняется от попадания в Трудовую армию. Хотя в деле изобличения симулянтов господа интенданты съели не одну собаку…

– Не верите? – возгласил брешак и потянул к себе кувшин. – А вон идет повар Жи-Ру с моим любимым племянником, гордостью семьи, и уж они-то соврать не дадут!

Все машинально обернулись в указанном направлении, а Ялинек, пользуясь моментом, ловко завладел початой посудиной с пойлом. Он единолично опустошил кувшин до дна и шевельнул ушами, облепленными реденьким серым пухом. Тем самым пухом, за который племя брешкху и получило меткое прозвание – пушистый народец.

В самом деле, в таверне появились баронский повар Жи-Ру и поваренок Ржига. Увидев, что фактически все его источники ценной информации собрались за одним столом, Жи-Ру жестом велел Ржиге следовать за ним. Усевшись за один стол с говорунами, расторопный повар мгновенно выбрал человека, более остальных внушающего доверие, и сказал:

– Вижу, ты недавно на берег сошел, артельный. Что там за баламутство бают?

Рыбак поклялся, что говорит только правду. Ко всему сказанному выше он прибавил, что не так давно артель вытащила два своих судна для кренгования на одном из многочисленных островков близ побережья Кесаврии. Островок был низок, изобиловал песчано-галечными и глиняными пляжами, удобными бухтами, а значит, был пригоден для короткой остановки. Не успели приступить к очистке заросшего днища, как налетел порывистый ветер. По всем признакам близилась буря, и рыбакам оставалось только благодарить всех богов, что она застанет их на суше, а не в открытом море. Конечно, существовала вероятность, что шторм разобьет вытащенные на берег суда. Паруса были спущены, работы свернуты, и команда укрылась у подножия холма в неглубоком гроте.

Отсюда, из грота, был отлично виден берег. Перепаханный накатывающимися штормовыми валами, он захлебывался белой пеной, озарялся вспышками молний. Наконец, утонул в полосе сплошного дождя, быстро превратившегося в ливень с градом. Буря, впрочем, оказалась быстротечна и, начавшись за два часа до захода солнца, стихла уже в ночь. Бывалые моряки под навесом из просмоленной парусины благодушно взирали на пиршество стихий – в конце концов, все благополучно, рыбацкие суда не пострадали, а непогода определенно шла на убыль.

И вот тут начали твориться странные вещи.

Сначала на берегу появились огни. Темные фигуры, облепленные плотными потоками дождя, рыскали туда-сюда. Ясно, что только крайняя надобность может выгнать человека под свирепый ливень с градом.

«Если это люди», – промелькнула мысль разом в нескольких головах.

Подтверждение этой мысли нашлось тут же. Диковинные силуэты мелькнули в свете молний, жуткие, с оскаленными мордами. Твари возникли в нескольких десятках шагов от рыбаков и пропали так же неожиданно – мужики даже не успели как следует напугаться и осенить себя охранными знамениями. Потом от самой береговой линии послышались крики, рев, прорывающийся даже сквозь шум бури. Замелькали вспышки.

Ночью рыбаки боялись даже встать с места. Мало ли какой демон вытянет свое тулово из вод?.. Большинство из тех, кто сидел этой ночью, скорчившись, в гроте, часто во всеуслышание заявляли, что не верят ни в какие сказки и глупые морские байки, пущенные малоумными. Но одно дело – говорить, а другое – видеть собственными глазами, правда?

Утром они нашли на песке следы, накрепко вбитые в глину. Это были следы подкованных сапог, и на каждой подкове красовались лилии.

Лилии… Символ злейшего врага королевства Альгам и Кесаврия – проклятой Черной Токопильи, простершейся по ту сторону океана, за Столпами Мелькуинна. За Омутом.

Но это было еще не все. Не единственные следы того, что происходило тут ночью. Рядом лежал труп какой-то невероятной твари, никем доселе не виданной. Существо размером с лошадь, с мощными короткими лапами-ластами и громадной пастью, лежало в луже собствен-

ной слизи. Часть черепа была снесена ударом острейшего клинка. Пасть светилась изнутри лиловым, вокруг распространялся запах гнилого мяса.

Разнеслись проклятия и божба. Сразу кто-то вспомнил о Языке Оборотня, легендарном месте где-то в здешних водах. Сразу всплыли в памяти бессмысленные слухи о том, что в тамошней башне выращивают чудовищ – так называемых суррикенов. Согласно действующей в государстве Иерархии знаний тайных и явных (часть 2-я Кодекса Истины), мало кто вообще имел право произносить подобные слова. Не говоря уж о том, чтобы задумываться об их истинности. Упаси светлый Боже.

Рыбаки переглянулись и разом решили: «А оно нам надо?» Чудовище сбросили в море. О следе с отпечатком лилии также было решено забыть.

И вот теперь хмель развязал язык рыбаку. А может, и не только хмель… Страх ведь так трудно подавлять без возможности поделиться им с другими.

Повар Жи-Ру зевнул с притворной скукой:

– Ну что ж? Забавная брехня. Не купить ли нам еще выпивки, ребята? Ржига, сгоняй! А то и дядя твой, – он быстро и внимательно взглянул на задремавшего у стены Ялинека, – что-то расстроился.

Нет надобности говорить, что после столь занимательной посиделки Ржига притащился во флигель, где он жил в числе прочих слуг барона Армина, в полном, так сказать, расстройстве. Во флигель его не пустили, и тогда он по налаженной с детства традиции бросил несколько камешков в окно Себастьяна.

Через минуту тот втащил не рассчитавшего сил приятеля в свою комнату и столкнул в угол, на топчан.

Однако Ржига и не намеревался спать (как то первоначально можно было предположить, исходя из его измурзанного вида и бессмысленной физии). Он попрыгал на своем лежбище, которое было всяко лучше его лежанки во флигеле для прислуги, и проблеял:

– А знаешь ли ты, Басти, что я сегодня видел?

– Что? – равнодушно спросил три.

– Точнее, слышал…

– Ну?

Ржига начал вольный пересказ слышанной в «Баламуте» истории, и без того полной неточностей, преувеличений и допущений. При этом он икал и время от времени сбивался на старую кабацкую песню: «В каком ни будь ты чине, не думай о кручине…»

Но всеми правдами и неправдами его рассказ продвигался к завершению.

Себастьян слушал очень внимательно, не перебивая, и даже позволил брешаку пропеть пару лирических куплетов.

– Мне сразу вспомнилось… знаешь что? – перескакивая от мысли к мысли и ломая строй своих и без того сумбурных рассуждений, бубнил Ржига. – То, как мы были на Языке Оборотня. Тогда, четыре года назад. Сегодня один матрос… Ну, они кренговались на островах… Словом, если они видели суррикена, то это не страшно… Мы же видели – ерунда… Мне страшно другое…

Себастьян, который слушал рассказ подвыпившего брешака довольно равнодушно и не шевелясь, в этот момент вздрогнул и поднялся на локте:

– Что?

– Мы, народ брешкху, мы такие, мы никогда не боимся, но… – сдавленно бормотал Ржига. – Мне страшно, потому что вспомнилось… Знаешь что? Помнишь? Туча над астуанским садом, эта башка с красными зенками и золотыми зрачками… Уф! А потом луна на воде и это дурацкое явление Аюпа Бородача… И ты сказал, что обязательно выяснишь, что это было. А я поверил.

Короткая лихорадочная дрожь сотрясла плечи Себастьяна. Он почувствовал металлический привкус во рту.

– Тебе же, кажется, все уже объяснил повар Жи-Ру… когда ты ему все разболтал, – запнувшись, выговорил он. – Эта его кулинарная версия, а? Помнится, он тебе даже дал рецепт блюда, после которого ты нырнул в кадку с криком: «Меня выковали! Охлажда-айсь!»

– Да, мне тогда показалось, что меня плющит, как кусок металла на наковальне. Точнее, я и почувствовал себя куском… – пробормотал Ржига. – Вот только Золотой Зрачок в самом деле был. Как я ни старался убедить себя в том, что это… ну, приснилось, что ли…

Себастьян облизнул губы. Сердце подпрыгивало, как накрытая пригоршней птица. Наконец он сказал:

– Все эти годы ты не заговаривал о той вылазке. Да и проболтался об этом всего один раз – вот тогда, своему повару Жи-Ру, но тот был изрядно набравшись и, конечно, принял все за босяцкие фантазии. Да, то, что мы видели, – этого не может быть. По крайней мере, по той шкале знаний, которую нам дают.

– Э-э-э… попроще, – пробормотал Ржига, переворачиваясь на другой бок и глубоко вздыхая. Выпустив пар, он успокоился и клевал носом. Впрочем, сейчас Себастьяну и не был нужен собеседник. Он был настроен на тревожно-философский лад и, то и дело шмыгая носом, говорил:

– Да и что я могу понять? Насколько я осознал, главное, чему нас учат, – самоуспокоенности. Дескать, вам преподали все, что необходимо для жизни, и успокойтесь. То же самое, только на государственном уровне, заповедает Иерархия знаний тайных и явных. Мы с тобой, Ржига, учимся в школе Второго окна и, по мысли наших наставников, выше и не метим… А ведь есть еще школа Третьего, Четвертого окна, Пятого, а дальше выше – есть и…

– Тебя и из Второго окна два раза едва не выгнали за нерадивость, – не дослушав товарища и уже засыпая, протянул Ржига. – То есть за вот за такие дурацкие рассуждения… особенно. Помнится, когда учителя водой отпаивали после твоего вопроса…

Полубрешак имел в виду позапрошлогодний случай на уроке естествознания. Когда Себастьян в присутствии двадцати учеников, изнывающих от желания поскорее сбежать из душной школы на морскую косу и окунуться, задал один вопрос. Спросил четко, по форме, как положено: «Всеведущий учитель! Нам ежедневно говорят о необходимости держать ухо востро по той причине, что Черная Токопилья постоянно злоумышляет против вольного королевства Альгама и Кесаврии. Но каким образом народные трибуны Охранного корпуса, которые говорят нам это, узнают о планах империи зла? Ведь известно, что прямого контакта с Токопильей не было уже несколько столетий. Считается, что за все это время ни один корабль не пересекал океан, нас разделяющий».

Прежде чем задать этот ужасающий, этот абсолютно неприличный и наглый вопрос, Себастьян молчал на уроках месяц. Учитель махнул рукой… А тут вдруг прорвало. Да еще на занятии, на котором присутствовали наблюдатели от городской магистратуры… Ох!

Наставник упал на костлявую задницу и обреченно хватал ртом воздух. С него слетел парик, обнажив гладко выбритый череп, на котором тотчас густо проступили капельки пота. Наставник выпучил глаза и захрипел:

– Счи-и-итается?! Известно? Кем? Кому? А ну… Во-о-он! – наконец перейдя к конструктивным предложениям, подпрыгнул он.

Скандал был ужасный. Ученик школы Второго окна задает вопросы, которые не позволит себе и студент Пятого окна. Даже с военно-морской специализацией. Даже с литерой А, предполагающей доступ к анналам Королевской библиотеки. Безобразие! А главное, отчего во Втором окне в голову лезут подобные мысли, печально рассуждали отцы-учителя…

Нет надобности говорить, что Себастьяна не выставили из школы только из-за вмешательства опекуна. Впрочем, добрый барон Армин и так напоминал об этом при каждом удобном, да и неудобном случае…

Сейчас, когда об этом сказал засыпающий брешак Ржига, Себастьян ничего не ответил – только обозначил на лице ничего не значащую бледную улыбку.

Догорев, потухла единственная свеча, освещавшая комнату. Но Себастьян все равно не спал до утра. Из его окна был виден участок тихого побережья и моря, разорванного лунной дорожкой. Этого света вполне хватало для бессонницы.

А потом и настал тот самый день.

Может, он и не заключал в себе ничего сверхъестественного и даже необычного. Просто с него все началось.

Глава 3
Школа пятого окна

– Едем в город! – объявил барон Армин. – Ржига, бездельник, ты что скалишься?.. Бегом в конюшню, едем в Сеймор! Скажи, чтоб готовили экипаж…

Такое заявление с раннего утра могло означать лишь одно: опекун Себастьяна проснулся в отличном настроении и жаждет больших свершений. Последний раз это обернулось стычкой с кем-то из Охранного корпуса, утопленным экипажем и отобранной рыболовно-охотничьей лицензией, так называемой «вездесущей», то есть дающей право на промысел рыбы и дичи где угодно… В столице провинции барон Армин всегда старался почувствовать вкус настоящей городской жизни. В тот раз решил половить рыбок прямо в знаменитом городском фонтане Сеймора, а потом едва не застрелил бродячего иллюзиониста.

На этот раз он взял с собой Себастьяна и Ржигу. Причем воспитанник доброго барона должен был ехать не в экипаже, а верхом. Помимо двух товарищей, барон Армин прихватил с собой двух приличных девушек из числа первых красавиц рыбацких поселений. И вовсе не для того, что немедля предположили злокозненные языки…

– Эй, Басти, ты не слышал?

Себастьян стоял у ворот. Ржига, в сером дорожном плаще и с серыми же мешками под глазами, приблизился к нему мелкими шажками и повторил свой идиотский вопрос:

– Ты не слышал?

Себастьян повернул голову и глянул поверх похмельного полубрешака. Прямой, строгий, с неподвижным серьезным лицом, он вызвал у Ржиги сначала оторопь, а потом недоверчивый смешок:

– Ты чего такой хмурый? Или ты… тово… Уже знаешь?

– Надеюсь, ты не опохмелялся? В твоем возрасте еще рано. Так что я должен слышать и тем более знать? – наконец последовал ответ.

Ржига распрямился. В его мутных глазках закопошилось вялое лукавство. Этакая хитринка с подковыркой, с дьявольщинкой.

– Твой опекун послал в город гонца зафрахтовать на несколько дней… э-э-э… значит, какое-нибудь суденышко поприличнее, но чтобы не очень дорого. Ты понимаешь? Смекаешь? Суд-но!

– Понимаю… – машинально ответил томный Себастьян.

– Это значит, что назад барон Армин намерен взять с собой… Кого? – лукаво прищурился Ржига. – Этот кое-кто уже почитай как два года в Сейморе, так что на чем попало теперь не поедет в наши края. Басти, ау! Я кому все это говорю? Я ж не повар Жи-Ру, который может разговаривать с омлетом или с сушеной говядиной!

Ошеломленный и бледный, стоял Себастьян и даже ухватился рукой за ограду, чтоб переждать резкий приступ головокружения. Да! У него потемнело в глазах, и спокойное светлое море, начинавшееся за белыми крышами рыбацких поселений, вдруг стало глубоким, синим и тревожным.

– Ты хочешь сказать, что… она… приедет, чтобы?..

– Ну конечно, Аннабель, – с удивительной легкостью подтвердил полубрешак и тут тоже пошатнулся. – Ы-ы-ы… Ох!.. Мутит. Два раза сегодня уже блевал… Мгм…

– Слушай, Ржига! Вот ты мог бы не объединять упоминания о содержимом своего желудка и ее имя? – искренне возмутился Себастьян. Его лилейную утреннюю томность как ветром сдуло.

– Да ладно! – наершился Ржига. – Когда это ты стал таким щепетильным? Помнится, в свое время мы посадили ее в бочку с медузами. Платье, кажется, ей пришлось выкинуть, оно

все в вонючих синих разводах оказалось. А ноги с руками – в красных. Ты тогда не сильно-то переживал, кстати…

– Так это когда было, – пробормотал Себастьян.

Действительно, многое поменялось с тех пор, когда мальчики могли сыграть с девочкой вот такие глупые шутки; когда мальчики могли держать ее за «своего». Девочка выросла, и из той немного неуклюжей темноглазой куколки, без раздумья ступившей на Язык Оборотня, выросла настоящая красивая юная дама.

Изящная, гордая, с точеными плечами и тонким лицом. Большие темные глаза словно подсвечены изнутри лукавым, опасным огоньком – тот, кто жарким днем нырял в неизвестную и глубокую бухту, поймет. Большой, чувственно вырезанный рот сложен в легкую ироничную усмешку. Глядящая с холста молодая женщина не могла иметь с детской подругой Себастьяна и Ржиги ничего общего. Разве что угадывалось что-то сходное в высоких скулах и нежной округлости подбородка.

По крайней мере, такой изобразил ее, эту расцветшую Аннабель, на портрете, привезенном тщеславным бароном из города, нахрапистый сейморский художник. Польстил? Сильно ли? В этом Себастьяну еще предстояло удостовериться. Или, напротив, признать, что портретист все схватил верно…

Через два часа барон Армин с сопровождающими тронулись в путь. За время, прошедшее с утра, энтузиазма и дурной энергии у тучного барона резко поубавилось. Щеки обвисли, потускнели маленькие глазки, которыми он зыркал на своих спутников.

Ржига и светящийся бледный Себастьян ехали верхом. На хвосте у кавалькады всадников грузно висела карета, в которой, такой же грузный, неповоротливый, тяжелый, пыхтел и обмахивался платком сам хозяин. «Говорил, с утра надо было ехать, пока жара не пала, – бормотал он, а повар Жи-Ру, без которого барон Армин отправлялся разве что в спальню и уборную, только успевал кивать головой. – А то промешкали, теперь вот жарься тут! Отдувайся за них!»

И барон отдувался. А дорога, петляя между домиками рыбацких поселений и прудами, в которых местные разводили рыбу и промысловых медуз, между тем вынесла путешественников на простор равнины. Эта местность составляла разительный контраст с живописными прибрежными территориями. Бесконечная, убогая, безлюдная, оживляющаяся лишь грядой невысоких и слабо поросших березняком холмов где-то ближе к горизонту, равнина вогнала барона Армина в окончательное уныние. Хватив для настроения крепкого эля, он стал клевать носом и наконец захрапел.

Спустя два часа путникам попались развалины какого-то неимоверно древнего каменного сооружения, по своим размерам сопоставимого со всем рыбацким поселком. Стены были разрушены и срыты почти до земли, и только в нескольких местах взмывали в небо белые, выщербленные временем зубцы. Издали сложно было оценить поистине колоссальные размеры этих сооружений, чем-то напоминающих раскрошившуюся челюсть мифического чудовища. Тварь, размеры которой никогда и не представить, ушла в черные, жирные пласты веков; забыто имя, свершения и стать великана, и только вот эти раскрошившиеся гигантские клыки напоминают о легендарном времени, когда по земле якобы ходили Великие.

– Если бы с нами был Жи-Ру, он непременно бы напомнил, что все это строили Отцы погибели.

Себастьян, ехавший рядом с Ржигой, придержал коня:

– Чего?

– Ты просто спишь на ходу! Я от доброты душевной сообщил тебе, что, наверно, уже завтра ты увидишь нашу Аннабель, и ты прилип к этой мысли, точно муха к…

– Довольно!

– …точно муха к другой мухе, – ухмыльнулся Ржига.

– Я тебе не о мухах. Ты позволяешь себе упоминать существ куда покрупнее. Какие еще Манниты? Кажется, добрый дядюшка Армин не раз драл тебя на конюшне за то, что ты распространяешь всякие глупые россказни.

– Ну как же, – ничуть не смутившись, выговорил неисправимый Ржига и, пришпорив коня, вынесся во главу кавалькады. Себастьян должен был прибавить ходу, чтобы снова поравняться с ним. – Манниты – Отцы погибели, приблизившие Катастрофу, отголоски которой, как говорят мудрые, до сих пор слышны в различных местах нашего мира. Ты когда-нибудь нырял в большие подводные пещеры? Там, внутри, выныриваешь и слышишь эхо Катастрофы.

– Бессмысленный ты тип, Ржига, – сказал Себастьян. – Слышал бы тебя барон Армин…

– И что? И слышал бы. Второй задницы, с которой можно шкуру спустить, у меня нет. А в Трудовую армию он меня не отправит. Пока. Это я точно уж знаю. Кстати, а где Аюп Бородач, он завсегда с тобой увязывается…

– Я запретил ему ехать со мной. Он как хвостик…

– Вот бы кого сдать в Трудармию… – мечтательно начал полубрешак.

Тут под передние ноги лошади, на которой сидел Ржига, поднырнул какой-то маленький лохматый зверек, выметнувшийся из серых придорожных кустов. Конь шарахнулся в сторону, стал на дыбы, и полубрешака едва не вынесло из седла. Счастье, что он успел покрепче сжать ногами заходившие бока скакуна и вцепиться разом в поводья и гриву. Себастьян остановил свою собственную лошадь и вымолвил:

– Аюпа Бородача в Трудармию, говоришь? Ну-ну. Не торопись. Все там будем…

К вечеру путешественники пересекли равнину, оставив за собой несколько небольших поселений с придорожными трактирами, и выехали к реке. Совсем недавно переправа через полноводную Тертею с лошадьми, каретой и обозом была бы невозможна: местный перевоз брал только людей, и нужно было бы подняться вверх по течению, чтобы перебраться на другой берег по старому мосту. Сейчас эта необходимость отпала.

В нижнем течении Тертеи был построен новый мост – великолепный, дорогой, ослепительно-белый. Он легко и гордо лег на горло реки, как ожерелье на шею красавицы. Над ним клонилось к закату солнце. Кавалькада барона Армина въехала на приречные холмы, круто обрывающиеся к береговой линии. Отсюда открывался поистине шикарный вид. Высотный арочный виадук из белого камня тянулся никак не менее чем на полторы кесаврийские лиги. Строители и сам владетель Корнельский, на вверенных которому землях расположился новый виадук, все в голос утверждали, что это самый большой мост в стране.

Несколько центральных опор гиганта были еще облеплены массивными лесами, в двухэтажных арках кишели мостостроители, но движение по мостовому переходу уже открылось. Ширина сооружения была такова, что по нему запросто могли проехать бок о бок пять таких карет, как толстопузый экипаж барона Армина.

На противоположном берегу виднелись какие-то длинные постройки, прихотливо разбросанные вдоль реки деревянные корпуса и ажурные вышки с огнями.

К тому времени барон Армин уже проснулся. Он выглянул из окна, причмокнул губами и сказал с удовлетворением:

– Ну вот он! Лагерь Трудармии близ Великого Тертейского моста во имя короля Руфа! Понастроили, конечно!

– А нас вообще по нему пропустят? – аккуратно осведомился повар Жи-Ру, который с первыми признаками пробуждения хозяина начал собирать по сундучкам снедь. – А то вообще-то хотелось бы пообедать уже на том берегу…

– А то ж! – заорал барон Армин. – Не только пропустят, но и, если что, пустят на ночлег!

– Ну… На вашем месте я бы не был так уверен, – пробормотал Себастьян, которому доводилось общаться с отдельными индивидами из числа королевских трудармейцев. Впрочем, его слов никто не услышал.

У въезда на виадук стояла внушительных размеров башня, сложенная из тесаного камня. Тут толпилось несколько здоровенных молодцов в белых плащах Охранного корпуса. Их разбавляли трудовики в серо-зеленом – пыльные, серьезные, сосредоточенные.

Один из Трудармии, завидев людей барона Армина, подскочил и умело придержал под уздцы впряженных в карету лошадей; второй, с круглой рыжей бородой, жестом показал остановиться всадникам:

– Кто такие?

– Нам на тот берег.

– Понятно, что не на этот. Вы и так тут. Вам разве неизвестно, что торжественного пуска моста не было? Или вы хотите проехать по нему раньше владетеля Корнельского?

Барон Армин с шумом выпустил воздух:

– Ф-фы… Э-э… Да я, собственно, к нему и еду в Сеймор.

– И к его сыну, – вылез кто-то (как потом оказалось, это был неугомонный Ржига).

– Мы давние знакомцы. А в лагере нас ждет человек, который обещал…

Рыжебородый, даже не дав себе труда дослушать, раздраженно махнул рукой, и барона Армина немедленно пропустили на новый мост. «Н-да, – подумал Себастьян, поймав в окне кареты удивленно подпрыгнувшее лицо опекуна, – добрейший дядюшка Армин хоть и храбрился, поди, и сам не ожидал, что нас так быстро пропустят…»

В непосредственной близости виадук через Тертею оказался еще более огромным. Себастьяну чудилось, что даже сами звуки грохочущей по мостовому камню кареты – куда внушительнее, чем то, что их производит. Пузатый экипаж барона Армина, с размалеванными мутной гербовой символикой боками, казался солидным в рыбацких поселениях – тут же он напоминал блоху, скачущую по становому хребту великана.

На излете огромной дуги виадука Себастьян осадил коня и, заставив того подойти к самому ограждению, глянул вниз.

Там, десятью или пятнадцатью нилморами[2] ниже, морщились неспокойные воды Тертеи. Прыгали упругие пенные барашки на белый камень опор. Кипела неровная полоса прибоя. Вдоль нее протянулись набережные сооружения с пирсами, сходнями и пристанными тумбами для заведения швартовов.

Все это пустовало. На импровизированной набережной Тертеи не было ни души.

Но уже в полутора сотнях шагов от берега на площадке, зажатой между двумя корпусами лагеря Трудармии, находились люди. Много людей. Наверно, несколько тысяч. Они стояли молча и время от времени покачивали головами в такт речам высокого молодого проповедника в светлой накидке. Он стоял на втором ярусе наблюдательной вышки меж двух мощных огней. Над его головой надувался под ветром огромный стяг с надписью: «Трудовая армия: главные победы – без крови!»

У человека был мощный и проникновенный голос:

– Только вольности нашей страны позволяют нам не на страх, а на совесть строить вот такие великолепные мосты втрое быстрее, чем это делают сами знаете где. Да, вы не ослышались! Мы построили этот виадук втрое быстрее, чем это могли бы сделать строители по ту сторону великого океана, – с чувством говорил он, блестя черными глазами и разбрасывая щедрые жесты обеими руками. – Конечно, я говорю о Черной Токопилье, конечно, я имею в виду орден Рамоникейя, чья тень накрывает всю ту проклятую землю. Они хотели бы дотянуться до нас, не сомневайтесь! Не исключено, что скоро нам придется сойтись лицом к лицу. Но нам не страшно, ведь мы умеем возводить не только мосты и окольцовывать не только реки! – Оратор тряхнул длинными светлыми волосами, перехваченными серой матерчатой, черной у концов лентой. – Мы строим все новые и новые корабли, со все более серьезными водоизмещением

[2] **Нилмор** – мера длины, соответствующая приблизительно среднему росту мужчины-кесаврийца – 170–175 см.

и оснасткой, с более мощным оружием, и быть может, настанет тот час, когда нам придется его расчехлить. Три столетия в нашей стране не было ни одной войны, ни одного кровопролития, ни одной бойни. Три столетия мы мирно трудились, строили, надеялись на лучшее, жили. Вольное королевство Альгам и Кесаврия не хочет крови, мы всегда стояли на том, что главные победы нужно одерживать над собой, над своей ленью и косностью. Победы нужно одерживать и над миром, в котором мы живем. Не брать на себя слишком много, чтобы не надорваться, – так гласит Иерархия знаний. Не брать на себя и слишком мало, чтобы не надорвался тот, кто рядом: ведь кому-то придется взять твою долю!

Это заявление было встречено одобрительным ревом.

– Гладко чешет, шустряк, – сказал кто-то в толпе трудовиков. – И все ж по делу, по уму.

– Язык-то даден какой…

– А кто это такой будет?

– Этот? А… Из Сейморской Школы Пятого уровня, значит, оратор. Литера А, мореходы они, стало быть… Недавно к нам на усиление прибыли – для испытаний моста…

– А, это у которых директор сам Каспиус Бреннан-младший, сын владетеля Корнельского? – вклинился чей-то четкий голос.

– Он самый.

– Тогда Ариолан Бэйл его зовут. Я его несколько раз в Сейморе видел…

Себастьян, конечно, не мог слышать всех этих разговоров, да и все речения высоченного и громкоголосого Ариолана Бэйла доносились до него только в виде обрывочных фраз. И некоторые из них, несмотря на их неполноту, вдруг живо воссоздали в памяти то, что совсем недавно рассказывал ему пьяный Ржига, а Ржига говорил: «Утром рыбаки нашли на песке следы, накрепко вбитые в глину. Это были следы подкованных сапог, и на каждой подкове красовались лилии. Символ проклятой Черной Токопильи…» Только там это говорилось под хмельком и шепотом. Здесь же высокий, выпрямившийся во весь свой немалый рост оратор на возвышении говорил во весь голос.

Впрочем, дослушать не удалось: подкатила карета барона Армина, и последний в вежливой форме поинтересовался, какого демона Себастьян торчит у края моста, угрожая тем самым сохранности лошади.

Вскоре они уже въезжали в лагерь Трудовой армии.

– Здесь и заночуем! – громко объявил дядюшка Армин и стал старательно плеваться под стол, очищая свою внушительную глотку от оставшихся в зубах и на языке рыбьих костей. Они сидели под просмоленным навесом, по которому барабанили крупные капли дождя. Шла ночная непогода.

– Заночуем? Это кто же нам разрешит?

– А это кто же нам запретит?! – подбоченившись, в тон задавшему этот вопрос Жи-Ру отозвался благородный барон и засунул пальцы в обе ноздри. – Я ж это… говорил… – не освобождая носа, прогнусавил он. – Я ж говорил, что у меня тут отличный человек, который нам… Он, может, нас и до Сеймора добросит. На судне. Поди, видели сколько тут трудармейского речного флота стоит?

Сидевший тут же Себастьян кротко склонил голову набок, к плечу, и стал похож на долговязую унылую птицу, молча стоящую в болоте. Повар Жи-Ру аккуратно начал:

– Мне все-таки кажется, что здесь не самое лучшее место для ночлега, господин барон.

– Называй меня «дружище Армин»! – великодушно разрешил опекун Себастьяна и попытался схватить лежащий перед ним на тарелке кусок мяса в фасоли с соусом прямо зубами. Привыкший к таким оборотам беседы расторопный Жи-Ру, впрочем, нисколько не смутился. Он продолжал развивать свою мысль:

– Видите ли, господин барон, то есть дружище Армин. Трудовики – ребята очень своеобразные. Они не любят попусту тратить свое и чужое время. Не любят травить байки. Не любят пить горячительное и обжираться на ночь. Но не это все смущает меня больше всего. Я тут слышал краем уха, что в лагере находятся студенты Школы Пятого окна из Сеймора… Это серьезные парни. Я, честно говоря, предпочитаю общаться с людьми попроще, без этой учености, которая бог весть куда может завести. Из таких-то и вырастают люди для Алой сотни, которой заправляет сам Астуан Пятый…

– В-вот! – перебивая Жи-Ру, воскликнул барон Армин, и по его отложному воротнику потек соус. Он, безусловно, перебил бы своего повара и куда раньше, но все это время его рот был накрепко забит жратвой. – Вот! И я тебе о них! Не об Алой сотне… брр… а о Школе Пятого окна из Сеймора, парни из которой сейчас практикуются здесь на испытании этого виадука! Дело в том, что один из этих серьезных и ученых парней, как ты тут только что справедливо говорил… он, клянусь кишками Илу-Марта, уважит любую мою п-просьбу! Ведь практически вливается в семью… Да! Эк!.. П-прислушается к любому моему требованию!

– К вам, вероятно, уже прислушались, – сказал Себастьян и кивнул на высокого трудовика в серой униформе, с широким и добродушным лицом. Он возник из темноты в пяти шагах от барона Армина и, кажется, ждал, пока у того иссякнет поток красноречия.

– Прислушались, прислушались, – кивнул круглолицый. – Мне велено проводить вас в помещение для ночлега. С рассветом отходит судно в Сеймор. Вам будет быстрее спуститься на нем по течению реки к Тертейскому лиману и там морем дойти до города. Доплывете с ветерком, будет хорошо. Ребята из Охранного корпуса, если что, волноваться или скучать не дадут. Обедать будете уже в Сейморе.

Дядюшка Армин надувался на глазах. Его обвислые щеки затрепетали. Никогда еще его самодовольные речи не подтверждались с такой поразительной быстротой, с такой великолепной буквальностью. Мелкопоместный барон был польщен вниманием к его персоне до такой степени, что восторженно хватил кулаком по столу, угодив по концу ложки, которая была погружена в подливу, – и заряд кисло-сладкого соуса с живыми кусочками перца ловко вонзился в лоб круглолицего трудовика.

Непоседливый Ржига подскочил на месте и всплеснул руками. Армеец и бровью не повел. Он смахнул подливу движением широченной ладони и приветливо произнес:

– Рад, что вам у нас нравится. Если вы еще не закончили трапезу, я подожду.

Им отвели внушительных размеров помещение на втором этаже жилого корпуса. Река и мост отсюда не были видны, зато прямо под окнами стояло несколько белых шатров из парусины, красиво подсвеченных изнутри. Можно было видеть размытые контуры фигур и завораживающее мерцание света, то яркого, то тускнеющего.

Барон, пресыщенный красотами вечера, упал на кровать и тут же захрапел. Себастьян спросил у провожатого, указывая на шатры:

– А что там?

– А, это? Это наши, – коротко ответил тот. – Сейморская Школа Пятого окна, строительно-испытательская партия.

– Ариолан Бэйл? – быстро осведомился Себастьян.

Провожатый помедлил. На его высоком лбу вспухли два небольших холмика. Он пошевелил крупными губами и наконец ответил:

– И он тоже. Сказать по чести, это он меня прислал. Да успокоит вас ночь!

«Ариолан Бэйл… Ариолан Бэйл! – несколько раз повторил Себастьян, глядя на дверь, которую закрыл за собой провожатый. Это звучное имя отчего-то не давало ему покоя куда больше, чем монументальный храп барона, вспоровший тихий покой комнаты с той легкостью, с какой нож выпарывает пух и перья из теплой подушки. – Ариолан Бэйл… Что говорил он там о кораблях и о том, что нам рано или поздно придется сойтись лицом к лицу с Черной

Токопильей, с Предрассветными братьями? Четыре года назад о какой-то угрозе говорили и самому королю. Те же бредни принес из кабака и Ржига…»

– А где Ржига? – вдруг донесся до задумчивого Себастьяна голос Жи-Ру. Здоровяк-повар сидел на кровати и раскладывал вокруг себя какие-то остро пахнущие мешочки и скляночки. Одну из этих скляночек он опустошил и довольно крякнул. – Где этот чертов бездельник? Он должен был растереть мне в порошок лисицын корень из Борра.

– Я не зна… – начал было Себастьян, но тут «дружище Армин» перевернулся с бока на спину и всхрапнул так, что начисто заглушил и слова своего воспитанника, и беззлобную брань повара. Жи-Ру махнул рукой и повернулся лицом к стене.

А через пять минут появился Ржига.

Бесшумно приотворилась дверь. В образовавшуюся узкую щель просунулась хитрая физиономия и остренькие ушки полубрешака, облепленные серым шевелящимся пухом. Он покрутил головой и заговорил шепотом:

– Басти… Айда со мной! Ай да ребята! Я там подсмотрел…

– Только не говори, что опять наткнулся на какую-то небывальщину, как тогда на Языке Оборотня.

Ржига мотнул головой:

– Да ну! Чур меня! Нет никакого Языка Оборотня, ты же сам велел мне так думать и говорить. А лучше молчать… А там – нет, там не небывальщина, а просто очень здорово. Есть там у них такой Ариолан Бэйл…

– Кто?!

– Тсс! Че ты орешь, ща проснутся же наши крикуны! Выметнись-ка отседова!

Себастьян подхватил свои башмаки в левую руку и, осторожно ступая на цыпочках, выскочил из комнаты. Ржига плотно закрыл за ним дверь. Жестикулируя, продолжил уже вслух:

– Видел шатры, которые светятся изнутри? Так вот я пробрался в один… Мельком взглянул, пока не заметили… Да-а-а! Это тебе не наше Второе окно!

Они спустились по мощной деревянной лестнице, ни разу не скрипнувшей под легкими шагами двух любопытных, и вышли к тем самым шатрам, по форме напоминающим усеченные сверху тыквы. Дорожка к ним была оббита по краям деревянными колышками, на которых были натянуты узкие кожаные ремешки. Под ногами скрипел мокрый песок. Назойливый ночной дождь вяло припадал к земле. Шатры, в которых совсем недавно брезжил свет, сейчас были мертвы, тусклы, и не доносилось из них ни звука. Лишь один, стоявший у подножия крутого холма, светился бледным лимонным светом.

Казалось, что там, за полупрозрачной непромокаемой тканью, натянутой на прочный каркас, кружился рой светлячков.

На этот-то шатер и указал Ржига.

Себастьян пригладил рукой слипшиеся от дождя волосы и, откинув полог, вошел внутрь.

Это были не светлячки. Это были светящиеся шарики величиной с ноготок младенца, перемещающиеся по спирали, пересыпанной мелкими неподвижными искрами и верхней своей оконечностью упершейся в свод шатра. Большое основание спирали покоилось на нескольких светло-серых и белых столбиках, торчащих из пола. Столбики, доходящие почти до колена взрослому мужчине, вздрагивали в такт движениям высокого человека, стоявшего посередине шатра. Вокруг него сгрудились и все остальные находящиеся в шатре. Несколько молодых парней и даже три девушки, все одеты одинаково.

Очевидно, высокий человек обладал даром притягивать к себе людей. Он притянул даже его, Себастьяна. Воспитанник барона Армина узнал это молодое суровое лицо – пусть до того видел его лишь единожды и с немалого расстояния. Конечно, это был Ариолан Бэйл.

– Это простая методическая модель, – говорил он, совершая вращательные движения ладонями, – через выстроенную таким образом защиту не пробьется ни один ксеноморф, ни один суррикен. Ни его запах, ни исходящий от него свет. Разве что само его намерение напасть на вас, изменить вас. Директор хорошо объяснил мне биологический механизм этой защиты. Главное – почувствовать саму энергию серых жерланов, особую, ни на что не похожую и ни с чем не сравнимую. А вот как только придет ощущение контакта, – Ариолан Бэйл присел и положил ладонь на навершие белого столбика, – то с опытом придет и все остальное.

– Опыт… А у нас есть хотя бы огарки древнего опыта? – спросила одна из девушек.

– От Отцов Катастрофы действительно уцелело немногое. И даже лучшие из законных ланзаатов не могут похвастать и малой долей этих знаний – тем, что было доступно Великим. Изготовление суррикенов – это так, баловство. Ученичество… Проба сил. А эти силы ныне, конечно, не беспредельны. Может, это и к лучшему, – тихо выговорил Ариолан Бэйл.

– На что способны серые жерланы? – спросила девушка.

– Ты неправильно построила вопрос. Нужно было так: какие качества серых жерланов можем использовать мы? Все-таки это особая форма жизни. Умение вступить с ними во взаимодействие, подчинить своей воле – все это дорогого стоит. А на что они способны? Ну, я могу выдаивать из них всякие пустяки типа… ну вот этого.

Себастьян, оставаясь незамеченным, смотрел от входа… Ариолан Бэйл вскинул голову и, сжав кулаки, медленно притянул их к подбородку. От столбиков разошлась упругая волна холода – одна, вторая, третья. Каждая все злее. Среди светящихся шариков, круживших над верхушками серых жерланов, вдруг сверкнули холодные белые кристаллики, и на земляной пол шатра стал падать снег. Сначала редкие снежинки, потом густые хлопья.

– Где-то так, – сказал Ариолан Бэйл и разжал кулаки. Оставшийся снег упал на землю и стал стремительно таять.

– И что это дает? – спросил высокий парень. – Фокусы, пустяк… Хотя, конечно, впечатляет.

Мастер Ариолан Бэйл посмотрел на него, как на идиота. Выдержал паузу. Проглотил раздражение. Произнес:

– Я, собственно, и говорил о пустяках. С помощью этих созданий мы можем облекать в плоть свои мысли и пожелания. Вот сейчас я подал сигнал снизить температуру воздуха и выкристаллизовать снежинки. Разумеется, это воплощается в жизнь только на территории, подконтрольной серым жерланам. То есть на том пятачке пола, который они окружают.

– Это, наверно, очень полезно для земледельцев, – подал реплику кто-то.

– Очень верно подмечено, – не удержал улыбку мастер Ариолан Бэйл и, присев на корточки, провел пальцем по теплеющей земле, уже впитавшей в себя снег. – Когда ты сажаешь зимний сад, когда ты ухаживаешь за огородом, ты задаешь свои условия: температуру в теплице или же интенсивность полива растений, ну и так далее… Другое дело, что при помощи серых жерланов эти условия можно задать мгновенно, а осуществить в самые сжатые сроки.

– Здорово!

– А еще какие-нибудь фокусы, Бэйл! – пробасил один из Школы Пятого окна.

– Фокусы… Не забывайте, что все мною показанное и вами увиденное запрещено Иерархией, а значит – по букве закона – не существует.

– Мы знаем, знаем. Нам очень страшно!

– Шутники… – Ариолан Бэйл встал и распрямился. На его гладком юношеском лице промелькнула складка сомнения. Впрочем, через мгновение он махнул рукой и вытянул из-под одежды длинный продолговатый ящичек длиной в ладонь. Открыл его, и оттуда вылетели мохнатые разноцветные бабочки. Черные, зеленые, пестрые.

Девушки и парни из Школы Пятого окна терпеливо ждали.

Бабочки, нежданно получившие свободу, полетели во все стороны. Ариолан Бэйл едва заметно шевельнул ладонью, и раздалось низкое, едва уловимое ухом гудение – словно где-то там, в ночи, за пологом висел шальной шмель. Бабочки на несколько мгновений застыли в воздухе среди светящихся шариков – и вдруг одна за другой стали падать на пол, словно притянутые. Словно невидимый гнет вдавил гусениц в землю.

Их продолговатые тельца задергались. Затрепетали хрупкие крылья. Брызнула откуда-то липкая жидкость. Кто-то из девчонок не выдержал и издал тихий стон отвращения. Мастер Ариолан Бэйл, крепко сжав губы, сделал еще несколько движений выгнутой ладонью и закрыл глаза.

С бабочками что-то происходило. Подробности этой трансформации едва ли были видны большинству собравшихся, а стоявший в нескольких шагах от Бэйла и арены его маленьких чудес Себастьян и вовсе был обделен зрелищем. Тем не менее он углядел, как бабочки собрались в какие-то безобразные комки, из которых торчали кромки поломанных крылышек. Комки завибрировали, вытянулись, исходя мучительной дрожью, и поползли в разные стороны.

Это были гусеницы.

– Как же так? – выговорил кто-то. – Это же невозможно. Ведь должно быть наоборот…

– То же говорю вам и я: это невозможно, – веско произнес мастер Ариолан Бэйл. – Об этом говорит нам и Иерархия…

Вдруг он замолчал. Светящиеся шарики, замедлив свое величаво-плавное спиральное движение, метнулись к своду шатра… И разом угасли.

Внутреннее пространство шатра освещалось теперь только двумя небольшими масляными лампами, прикрепленными к опорным стойкам каркаса.

Ариолан Бэйл замер на месте. Если что-то и можно было прочитать на его посуровевшем юном лице, то это было похоже отнюдь не на растерянность и не на обескураженность, а скорее на легкую досаду. Он сделал несколько энергичных пассов обеими руками. С верхушек белых столбов, торчащих в полу, слетели длинные искры и тут же погасли.

– Что такое?

Вот теперь в его голосе пробилось несколько ноток, говорящих о недоумении и гневе.

– Что это такое, чтоб меня изгнали в Омут?! – повторил он и тут, повинуясь назойливому импульсу, скосил глаза…

Медленно, один за другим, все присутствующие в шатре стали оборачиваться к входу, где, оставаясь до сих пор незамеченным, стоял Себастьян.

– Ты кто такой? – резко спросил Ариолан Бэйл и шагнул к незваному гостю. – Я тебя первый раз вижу, ты не из наших!

– И на трудовика вообще не похож, – подал голос один из его спутников.

– Да уж конечно! Те в наши шатры по ночам не суются… – прозвучал насмешливый девичий голос. – Сон берегут.

– Ты кто такой? – повторил предводитель строительно-испытательной партии Школы Пятого окна из Сеймора. – Тебя прислали проследить за нами? Не нарушаем ли мы устав нашего учебного заведения, пользуясь тем, что мы вне стен школы?

– Я думаю, это было бы слишком сложно для меня, – серьезно ответил Себастьян. – Проследить за нарушением того, о чем я и понятия не имею… Нет. Я просто зашел на огонек с моим… – Он оглянулся и, не увидев Ржиги, быстро подкорректировал фразу: – С моим превеликим удовольствием. Все это очень красиво. Может, я не совсем удачно зашел. Ваши фокусы со снегом и с бабочками были очень впечатляющими. Зашел, да… С этими визитами всякое бывает. Вон мой хороший приятель, повар Жи-Ру, как-то рассказывал мне, как он пожаловал в гости к знакомому палачу, чтобы тот казнил ему на ужин поросенка. Сам Жи-Ру никак не

мог прирезать животное: он только что вытащил из колодца своего хозяина, барона Армина, и по этому поводу выпил и растрогался. Отнять чью-то жизнь стало свыше его сил!

Светловолосая девица из Школы Пятого окна тихо рассмеялась и стала рассматривать гостя с неподдельным интересом. К Себастьяну с деловитым видом подступили двое студентов. Ариолан Бэйл, напротив, не двигался с места, рассматривая пятачок где-то под ногами неожиданного посетителя.

– Барона Армина, говоришь? Из Угурта?

– Ну вы же сами знаете, мастер Ариолан Бэйл, что речь именно о нем. Ведь вы даже распорядились выделить нам место для ночлега в лагере.

– Нам? Ты из его домашних, что ли?

– Куда уж домашнее. Воспитанник, – с непередаваемой интонацией отозвался Себастьян, почувствовав, что на этот раз отделается легкими нравоучениями.

Так и вышло.

– Воспитанник? – поднял одну бровь Ариолан Бэйл. – Ну… Тут налицо недоработка: не очень-то ты и воспитанный. Ладно. Можешь идти. Что стоишь? Или тебе снова дать провожатого? (Вперед выступил высокий, ростом с самого Ариолана Бэйла, но пошире в плечах, верзила и выразительно поднес к собственной щеке, на которой уже пробивалась щетина, мощный кулак.) Обожди, Олеварн. Что стоишь? – снова поднял он глаза на Себастьяна. – Чего ждешь?

– Вопрос у меня, – ответил нахальный гость, и на его бледных щеках проступил румянец. Верзила Олеварн принялся с хрустом разминать пальцы. Ариолан Бэйл поднял вторую бровь:

– Вопрос? Я думаю, тебе уже неоднократно отвечали, что ты редкий нахал. Но так и быть. Что у тебя?

Себастьян сосредоточенно потер рукой щеку, оценил мощные плечевые рычаги разогревающегося Олеварна и отрывисто спросил:

– А что такое серые жерланы?

– А ты умеешь слушать, – неодобрительно отозвался Ариолан Бэйл, – и при этом слышишь главное. Многим этот редкий талант уже стоил головы. Ну ладно… Все равно ты видел. Серые жерланы – это древняя форма жизни, близкая к грибам, но все-таки не совсем грибы. Очень интересная форма материи и, как утверждают некоторые, обладающая собственным разумом. Плод гения Маннитов… Вот эти белые столбики, торчащие из земли вокруг меня, – это функциональная часть серых, их зоны роста.

– Не совсем – это как?

– Есть версия, выдвинутая еще в эру Опустошения: серые жерланы – это не оригинальный вид, это суррикены. Хотя что я тебе объясняю про…

– …про суррикенов? Мне доводилось их видеть, – спокойно проговорил Себастьян.

Ариолан Бэйл стиснул крепкие челюсти, а практически все прочие представители славной Школы Пятого окна расхохотались: как какой-то наглый малолетка с нашивкой Второго окна на рукаве рассказывает о том, что видел мифических суррикенов? Верзила Олеварн хохотал так, что весь его колоссальный корпус ходил ходуном, раздувался и опадал, как кузнечные мехи. Светловолосая девица, посматривавшая на Себастьяна, даже во время смеха не уставала поправлять спадающие на лоб локоны.

Один Ариолан Бэйл сохранял совершенное спокойствие во время веселья, которое сам он считал глубоко неуместным.

– Что же такое суррикены? – спросил он, дождавшись, пока смех стихнет.

– Насколько я понял, – с достоинством заговорил Себастьян, – суррикены – это такие существа, чей рост искусственно приостановлен. А чаще всего даже обращен вспять, но с сохранением полученных форм. Конечно, считается, что это доступно только самым могущественным ланзаатам. Говорят, что самые искусные мастера в этом деле доходили до того, что могли изготовить, ну скажем, двухголовую лошадь, которая помещалась на ладони и при

этом выпускала из ноздрей хоботки пламени. Было очень удобно зажигать свечи. Суррикенами могли быть деревья, морские гады, да что угодно живое. Говорят, даже люди…

Он умолк при общем гробовом молчании. Обвел глазами угрюмых студентов Школы Пятого окна и остановился на непроницаемом лице Ариолана Бэйла.

– Откуда тебе все это известно? – процедил тот. – Если ты действительно воспитанник барона Армина, значит, тебе должно быть известно, что сулит человеку твоего возраста за произнесение вслух всего того, чему мы тут стали свидетелями?

– Конечно, – беспечно ответил Себастьян, и тут за его спиной появился Ржига, вооруженный массивным колом. Коренастый брешак пыхтел, но тащил…

– Идите уж, – негромко сказал Ариолан Бэйл, и у него свирепо задрожали тонкие ноздри. – Надеюсь, что ты всего лишь глупый самодовольный нахал, которому попросту не хватает ума держать язык за зубами. Малолетка, который выдает собственные нелепые бредни за истину. Пошли прочь! И брешака своего с дубиной прихвати…

Себастьян молча шагнул к выходу. Откинул полог. Его руку лизнули черные языки ночной тьмы. На самом пороге он замер и, не поворачивая головы, негромко проговорил:

– Когда-нибудь ты подавишься этими словами, просвещенный мастер Ариолан Бэйл.

В тот момент, когда Себастьян говорил, истекали последние мгновения этого богатого новыми людьми дня. И замерли звуки последнего слова, и стих порыв налетевшего ветра – упала полночь.

Но вторую ночь подряд Себастьян не мог заснуть. На этот раз Ржига составил ему компанию и не спал вместе с другом детства. Надо сказать, что полубрешака мучила совесть за то, что он оставил Себастьяна одного лицом к лицу с людьми Ариолана Бэйла; и пусть в последний момент он насобирал в себе остатки хваленой смелости его племени и ввалился в шатер с дубиной, все равно его не оставляли муки совести.

– Да ладно тебе, Басти, – говорил он, сидя на корточках перед дверью, из-за которой раздавались громовые раскаты храпа барона Армина, которым баритоном аккомпанировал повар Жи-Ру. – Да успокойся ты, Басти. Что ты на них ополчился, будто они не наши, а какие-нибудь Предрассветные братья…

– Ты так рассуждаешь, как будто тебе доводилось видеть боевых терциариев ордена Рамоникейя… – сумрачно отозвался Себастьян.

– Чев-во? – высунул голову Ржига.

– Не неси чушь, говорю. Эти ребята из Школы Пятого окна, конечно, подготовленные и занимаются делом, но очень уж заносчивые. А этот златоуст Ариолан Бэйл… Честно говоря, даже навскидку не предположу, что могло связать его и нашего доброго дядюшку Армина… Тот хоть и неотесанный, но даже в своих летах не позволяет себе такого тона…

– Ну да! – охотно согласился полубрешак. – Тот просто выпучит зенки и орет, брызгая слюной. Ариолан Бэйл делает все куда аккуратнее. Одно слово, один величавый жест – и чувствуем себя букашками на булавке у этих естествоиспытателей…

– Говори за себя! – неожиданно разозлился Себастьян. – Лично на меня его ужимки впечатления не произвели! Гонору у этих сейморских…

Он определенно лукавил. Манеры и красноречие Ариолана Бэйла производили впечатление и на куда более опытных и искушенных людей, чем юный воспитанник простодушного барона Армина. Говорили, что сам Каспиус Бреннан-старший, владетель Корнельский, приехав в школу, возглавляемую его сыном, был впечатлен умением Ариолана Бэйла просто и убедительно говорить о самых сложных вещах. А равно – и той зрелой не по годам уверенностью, с которой он это делал. «В груди этого юноши бьется сердце Мелькуинна, а в уста вложен огонь от искры Великих», – сказал тогда владетель Корнельский, и более высокой похвалы, с упоминанием священного в королевстве Альгама и Кесаврии имени, немыслимо было и представить.

Конечно, на фоне величавого и одновременно пылкого Ариолана Бэйла, свободно произносящего речи перед огромным лагерем Трудовой армии, Себастьян казался еще подростком. Нескладным, угловатым, скрывающим свою застенчивость за преувеличенно резкой и саркастичной манерой держать себя.

Конечно, тот был человеком совершенно иного уровня.

Ну и наконец, как могли слова Ариолана Бэйла не запасть в душу Себастьяну, если они касались того, о чем он думал (в той или иной степени скрывая это от себя самого) вот уже четыре года?..

Если бы Себастьян только мог предположить, на кого еще произвел неизгладимое впечатление блистательный предводитель испытательной партии Школы Пятого окна, боюсь, разговор в том шатре с серыми жерланами сложился бы совершенно по-иному. Впрочем, он недолго находился в неведении. Когда имеешь в друзьях такого болтуна, как Ржига, сложно долгое время не знать о том, что знает брешак.

Ржига поерзал задом по полу и, видимо, собираясь с мыслями и преодолевая конфуз, выговорил:

– Я тут… хотел тебе сказать… Об Армине.

– Хрррр!… Кхха… Чпок! Хрр… пш-ш-ш… – неслось из закрытой комнаты.

– А что такое я о нем не знаю? – глухо спросил Себастьян и стал медленно поднимать глаза на непривычно зажатого Ржигу. – Или… что такое ты хочешь мне сообщить, раз так побагровел, будто Жи-Ру дал тебе не в меру крепящий отвар?

– Ты бы все равно узнал…

Себастьян одним рывком переместился вплотную к Ржиге и, крепко взяв того за ворот, тряхнул так, что отлетела и лягушкой запрыгала по дощатому полу пуговица.

– Что бы я все равно узнал? – тихим, задушенным, страшным голосом спросил он у брешака, у которого нервно задвигались уши, а на лбу и на висках стал густо проступать пот. – Ну!

– А что ты меня хватаешь? Как будто я в этом виноват! Как ты думаешь, почему этот нахальный Ариолан, который не очень-то похож на того, кто будет расшаркиваться перед бароном… С какого перепугу он определил нас на ночлег? А наутро дает корабль с тем, чтобы мы со всем барахлом доплыли до Сеймора? А? Просто этот Бэйл помолвлен с Аннабелью… с дочкой барона, по которой ты только все вздыхал, а этот пышный трудармейский оратор действовал! Взял да и захомутал девчонку! Она же, как мы с тобой вчера утром вспоминали, уже не та свиристелка, которую мы сажали в бочку с медузами и таскали с собой по ночам показывать всякие ужасы и напасти! Она теперь совсем другая, она настоящая молодая дама!

– А че ты разорался-то? – сказал Себастьян, и казалось, что от этого спокойного, замедленного, как остывающая кровь, тона, от наигранного хладнокровия сейчас остановится сердце. – А че ты разошелся, Ржига? Наших увальней своими воплями разбудишь, тогда они с тобой по-другому поговорят.

И он выпустил ворот приятеля. Тот поворочался на полу и, вздохнув, пробормотал:

– А я-то в чем виноват? Это же не я… а…

Он хотел было назвать имя Ариолана Бэйла, но, поймав взгляд Себастьяна, поперхнулся им…

Глава 4
Первые и последние

– Предрассветные братья владеют многими искусствами, отличающими только их орден Рамоникейя. Это известно из многих источников, которые я, конечно, не могу назвать, тем более что я давал присягу не разглашать информацию, когда двадцать лет ходил коком в каботажном флоте…

Повар Жи-Ру не только отлично выпил и закусил, но успел накормить своими яствами и попотчевать отменными наливками всех присутствующих на борту судна. Поэтому настроение у него было отменным, а голос, побасовевший от сытости, громким и просто завораживающим многочисленных слушателей. О том, что об ордене Рамоникейя из Черной Токопильи лучше не рассуждать вслух, никто не думал: да кто будет контролировать соблюдение Иерархии знаний тайных и явных тут, на борту брига «Летучий»?.. Здесь все свои.

По крайней мере, так полагал и барон Армин, и его словоохотливый повар. Никого не смущало присутствие на борту Ариолана Бэйла, последовавшего в Сеймор вместе с будущим родственником.

Впрочем, никого – это, наверно, не совсем так. Себастьян тоже слушал россказни плута Жи-Ру. Однако он не присутствовал на шканцах, где ораторствовал повар: слова долетали через открытое окно маленькой каюты. Помимо воспитанника барона Армина, в ней расположились Ржига и двое однокашников Ариолана Бэйла по Школе Пятого окна, но сейчас все они находились на открытом воздухе – впитывали соленый морской ветер и не менее специфичные и остро приправленные байки повара Жи-Ру.

– Предрассветные братья смертельно опасны даже тогда, когда в их руках нет и вязальной спицы, а ты находишься от них на расстоянии, скажем, тридцать или даже сорок шагов. Казалось бы, что он может сделать тебе, если у него нет ни боевого «серпантина», ни сабли, ни кинжала, ни даже маленького метательного ножа, которым можно вспороть горло, отстоя на те самые сорок шагов?

– И что он может сделать?

– А вот на этот случай у них есть так называемый метод розового льда. Он работает, когда поблизости от брата ордена Рамоникейя есть открытый источник воды, к которому он может прикоснуться раскрытой ладонью. Этим источником может быть и большой водоем, скажем, река или море, в которое мы сейчас вышли, или совсем маленький – ну, вроде бочки или даже ведра с водой. Токопилец бьет раскрытой ладонью по поверхности воды так, что взлетает маленький водяной столбик. Это все, что надо. Из этого-то столбика, который мгновенно замерзает, Предрассветный брат извлекает кусок льда – тонкую, прочную, острую, как стилет, сосульку. Ею он может воспользоваться и как метательным кинжалом, и как простым ножом. Очень холодное оружие…

– Это как же так? Вода мгновенно замерзает? Даже если на улице стоит дикая жара? – спросила белокурая девушка по имени Танита из Школы Пятого окна. Та самая, что накануне ночью приязненно рассматривала Себастьяна в шатре с серыми жерланами. На лице сидящего неподалеку Ариолана Бэйла промелькнула усмешка. Повар Жи-Ру сокрушенно развел руками: мол, ничего не поделаешь, температурный режим никак не влияет на исход фокуса.

– Это особый лед, специфический, – играя сочными интонациями, проговорил рассказчик. – У него розовый оттенок, отсюда и название. Кроме того, обычный лед не имеет запаха, а от этого, как говорят, исходит сильный запах – то ли резеды, то ли… э-э-э… жимолости.

– Резеды?

– Да, это такое растение, из которого делают эфирные масла, – охотно дал справку Жи-Ру. – Нежный и сладкий запах. Правда, для иных он может оказаться последним, что чувствуешь в жизни…

Тут вмешался Ариолан Бэйл, по лицу которого до этого момента нельзя было понять, вслушивается ли он в речь баронского повара или сосредоточен исключительно на видах живописнейшего побережья, вдоль которого шел сейчас «Летучий».

– Уважаемый Жи-Ру, вы так убедительно все рассказываете, что мне тут, часом, подумалось: а уж не из ордена ли вы Рамоникейя? – с совершенно серьезным лицом проговорил он.

Жи-Ру расхохотался:

– Я могу с такой же убедительностью рассказать вам про мифических чудовищ и про Великих Маннитов, которые производили их на свет в результате противоестественных колдовских опытов! Неужели в таком случае вы, мастер Ариолан Бэйл, скажете, что я имею отношение к Маннитам, бесследно исчезнувшим с лица земли две тысячи лет назад?

– Ему просто нравится рассказывать, – с оттенком гордости за своего кулинара отозвался барон Армин. – Он у меня не только повелитель желудков и властелин соусов, но и заклинатель человеческих душ. Лет пять назад проезжал важный чиновник из столицы, который сочинил несколько гимнов лично для короля. Так даже та важная шишка нашего Жи-Ру заслушивалась! Предлагал выписать его в столицу вместе с байками и рецептами, большие деньжищи предлагал!

– Да, любезный Армин, у вас действительно много замечательного. Особенно люди. Я уж не говорю про вашу дочь… Вот повар, да и ваш воспитанник показался мне интересным человеком.

– Воспитанник? – Армин несколько раз пошевелил нижней челюстью справа налево, как будто у него онемели скулы. – Вы знакомы с Себастьяном, мастер Ариолан Бэйл?

– Ну, он не представился…

Повисла пауза. Сидящий у окна каюты Себастьян, не видимый никем из участников этой беседы, сжался и замер. Отстраненный, с едва уловимой иронией звучный голос Ариолана Бэйла показался ему тем ударом колокола, что ставит на дыбы всю прежнюю жизнь и не оставляет надежды когда-нибудь все вернуть.

А на горизонте уже вырисовывались массивные башни и маяки Сейморского порта.

Себастьян не любил больших портовых городов. Ты еще не успел сойти с борта корабля и прыгнуть на сходни, ведущие на пристань, а в нос уже густо, нагло, неудержимо шибают запахи просмоленных канатов, сырой и жареной, свежей и тухлой рыбы. Бьет болотистым запахом ила, идущим от давно бывших в воде (без очистки корпуса) кораблей и рыбацких фелюк…

Здесь пахло дымом и кислой брагой, разило сырой нефтью и яркими, дикими, как пестрая праздничная рубаха брешака, ароматами пряностей. «Летучий» прошел в узкий пролив меж двух огромных каменных башен, охраняющих вход в гавань, и медленно прошествовал вдоль нескончаемого ряда кораблей, с палуб которых летели звуки судового колокола, гортанные крики боцманов. На шкафуте огромного неуклюжего брига лысые бородатые люди в темно-синих рубахах, собравшись в кружок, то ли читали молитву, то ли пели заунывную, на двух нотах, морскую песню. На пирсах кишел народ. Кого тут только не было: матросы, торговцы, стражники, женщины в передничках, женщины без передничков, женщины в головных накидках и женщины с лицом открытым и наглым, с натертыми маслом плечами и задорно блестящими глазами. Огромный пузатый чиновник, похожий на ожившую винную бочку, взимал с прибывших в порт Сеймора подати. Он морщил губы и сочно ударял по бумаге круглой промасленной печатью в такой же жирной, круглой, увесистой промасленной руке.

У главной пристани стояли в ряд шесть огромных галеонов королевского флота. Лес мачт с зарифленными парусами вздымался в дымное, подтекающее зеленью небо. По сигналу начальника подбежавшей портовой стражи «Летучий» приткнулся под бочок одного из этих

внушительных кораблей, водоизмещением превышавшего бриг барона Армина и Ариолана Бэйла раз в десять. Матросы отдавали швартовы. Только тут Себастьян вышел из каюты и тотчас же столкнулся лицом к лицу с красноречивым мастером Бэйлом.

– Тебе, наверно, в свое время тоже рассказывали про розовый лед с запахом резеды? – после несколько затянувшейся паузы поинтересовался Ариолан Бэйл.

– Давным-давно. Мне, Ржиге и Аннабели, – не сморгнув, ответил тот. – Ржига – это ночной болван с дубиной. Ну а Аннабель вы знаете.

Себастьян солгал: про розовый лед Предрассветных братьев он слышал этим утром впервые.

Точно так же впервые – и совершенно неожиданно не только для себя, но и для ошеломленного барона Армина – он поднялся по массивным ступеням громадного старинного особняка на главной площади Сеймора. Каменные статуи смотрели на него своими пустыми белыми глазами. Гулкие плиты покоев, розовые, матово-белые и серые, до головокружения разгоняли шаги. В огромных, в четыре человеческих роста, арочных окнах дробились, многократно отражаясь, маленькие фигурки людей, пробирающихся в самое сердце старинного здания.

Это был личный особняк владетеля Корнельского.

Себастьян хотел спросить, что они тут делают, но подумалось, что вот сейчас под величавыми сводами грянет эхо – и его робкий вопрос разом станет подчеркнуто наглым, назойливо повторенным раз, и другой, и третий. И он смолчал.

Ему не потребовалось задавать этот вопрос и в длинной галерее, заполненной бесчисленным множеством растений. Желтые, черные, белые цветы, ароматная кора, зеленые и желтые листья, сочные всплески соцветий. Растения были повсюду – в кадках, в длинных керамических и деревянных ящиках, они плавали по поверхности небольших водоемов, карабкались вверх по витым решеткам, валились на пол тяжелой изумрудной гирляндой.

В середине галереи серебрился фонтан, и возле него разговаривали двое: огромный, грузный мужчина с ястребиным носом, черноглазый и громкоголосый, и высокая молодая дама в светло-голубом платье.

Себастьян не видел ее лица. Он не мог услышать ее голоса, потому что мощный бас мужчины мог бы заглушить даже перекличку штрафников из Трудовой армии. Но он сразу понял, что это и есть та причина, из-за которой они явились не в дом тетушки Марл или Карл, не на какой-нибудь постоялый двор или в таверну, а разом сюда. В этот громадный, словно разбухший от времени особняк владетеля Корнельского.

Причина звалась Аннабель.

Она-то сразу узнала его. Наверно, потому, что, в отличие от отсутствующего здесь Ржиги (не хватало еще и его тащить к герцогу!), Себастьян мало изменился за прошедшие годы. Все такой же высокий, длинноногий, с хрупкими запястьями, с диковатыми бархатными темными глазами.

– Басти? – воскликнула она и тут же вспыхнула, сконфузилась, склонившись перед владетелем Корнельским, которому, бесспорно, принадлежало право первым приветствовать гостей: барона Армина, Себастьяна и чуть приотставшего – верно, нарочно – Ариолана Бэйла.

Как показало скорое будущее, эта слетевшая с языка детская кличка была тем единственным, что выдало в этой статной и сдержанной молодой горожанке прежнюю Аннабель.

За спинами Себастьяна и барона Армина возник Ариолан Бэйл, и еще через пару мгновений он обошел их и оказался возле сиятельного хозяина дома.

– Это барон Армин и его воспитанник Себастьян, – проговорил студент Школы Пятого окна, отдав владетелю Корнельскому эталонный поклон.

На Себастьяна устремились черные глаза человека, который славился своим умением схватывать человеческую суть едва ли не лучше всех в королевстве. Владетель Корнельский

смотрел не мигая. Под почти гипнотическим действием этих глаз юноше вдруг вспомнилось, при каких обстоятельствах он видел этого человека в последний (он же самый первый!) раз в жизни. Встала перед мысленным взглядом та старая рассохшаяся балюстрада на менестрельских хорах Малой Астуанской башни. Балюстрада, сквозь которую было видно вот это массивное герцогское лицо, а напротив – молодой монарх…

«Подождите! Постойте! – раскатисто крикнул король. – Не заставляйте меня чувствовать себя дураком! Я должен уяснить, о чем идет речь!

– Мы не можем и помыслить о том, чтобы ставить вас в двусмысленное положение, ваше величество. Мы же не враги ни государству, ни себе…»

– …ни себе, ни другим достойным людям, – вырвал Себастьяна из короткого забытья тяжелый голос владетеля Корнельского, который с некой ленцой чеканил слова. – Нельзя гноить вашего воспитанника в глуши рыбацких поселений. Я по его глазам вижу, что он способен на обучение как минимум в Школе Четвертого уровня. А, Бэйл?

– Мне тоже он показался весьма способным, ваша светлость, – серьезно откликнулся Ариолан Бэйл. И как ни пытался Себастьян найти в его ответе сарказм, хоть полнотки злой иронии, все безуспешно.

– Мне кажется, что вы видели меня в общей сложности минут пять, мастер Ариолан Бэйл, – отозвался Себастьян.

– Этого вполне достаточно.

– Я попрошу вас, барон, и вас, Бэйл, следовать за мной, – сказал герцог Корнельский. – У меня коротенький разговор.

– Вы хотите забрать Себастьяна? – встревожился барон Армин. У него даже лысина вспотела. – Прошу прощения, ваша светлость, но я недостоин того, чтобы сам владетель Корнельский лично сообщал мне о намерениях относительно моего воспитанника…

Каспиус Бреннан-старший оставил тяжеловатый лоск и этикет высокопоставленного вельможи и грубовато придавил плечо барона своей здоровенной ручищей:

– Да будет тебе лебезить, дружище. Или боишься не успеть наползаться на брюхе, если твой воспитанник вдруг круто пойдет в гору? А, верно говорю, ты, подобострастный мешок с салом?

Эта очаровательная манера изложения не оставила раскрасневшемуся и пыхтящему барону ни малейшего простора для маневра. Владетель Корнельский широко и радушно ухмыльнулся. Его пальцы на плече дядюшки Армина пошевелились.

Хищно блеснули перстни. Себастьян остался один на один с Аннабелью.

Тот портрет, привезенный опекуном из Сеймора, не лгал: она действительно выросла, переменилась и похорошела. От угловатой девочки-подростка уцелели разве что хрупкие плечи и длинные тонкие пальцы, которыми она характерным движением перебирала сейчас длинную лозу. Аннабель выросла, приобрела женственность форм и плавность движений. У нее стала нестерпимо изысканная точеная шея, строгие глаза, высокая грудь и ухоженные руки молодой леди, холеные, округлые, обнаженные почти до плеч. Даже странно было подумать, что этими руками она когда-то ломала ветки, бросала камни, стреляла из рогатки по птицам; не верилось, что они были покрыты ссадинами и царапинами, за что Себастьян и Ржига получали по башке от отца боевой подруги, доброго дядюшки Армина.

Гость рассматривал переменившуюся Аннабель до тех пор, пока она наконец не выдержала и не вымолвила с явной укоризной:

– Вам разве не сообщали, сударь, что вот так рассматривать девушку, по меньшей мере, неприлично?

– У нас в глубинке вообще дикие нравы, – стараясь попасть ей в тон, сдержанно ответил Себастьян. – Не поверишь, Аннабель, но в нашем неотесанном Угурте рыбаки и рыбачки до сих пор моются-то вместе. Что уж там говорить о каком-то рассматривании?

– Ты ничуть не переменился. Такой же…

– Какой же? – быстро спросил Себастьян.

– …мальчишка, – договорила она. – А вообще я рада тебя видеть. Мне кажется, что сэр Каспиус, его светлость владетель Корнельский, лорд-наместник этой провинции, поможет тебе продолжить обучение в Сейморе, а там, даст бог, попадешь и в столицу.

– Ты думаешь, Аннабель? А дядюшка Армин думает, что мне лучше окончить Школу Второго окна и заняться тем, что у меня лучше получается. Правда, тут он затрудняется назвать, что именно у меня получается лучше…

– Мне кажется, несколько лет назад ты говорил совершенно по-иному. У тебя были большие планы. У тебя были большие амбиции. Они куда-то делись?

Себастьян понимал, что она не просто поддерживает вежливый разговор, а действительно пытается понять, чем он жил и дышал все это время, пока они были порознь. Но обида, гнев и (ну да, да!) ревность к этому холеному и блестящему красавчику, к этому Ариолану Бэйлу заглушали голос разума.

– Значит, мне следует продолжить обучение в Сейморе, а потом, если повезет, махну и в столицу? Ты расписала мне заманчивый путь по жизни. Уж не по образу ли и подобию одного типа, который тут промелькнул?

На ее лице отразилось холодное недоумение. Себастьян понимал, что говорил совершенно не то и не так, он даже предпринял жалкую попытку одернуть себя, но тут же с гадливостью задавил ее. Его понесло.

Остановиться он уже не мог:

– Я говорю про Ариолана Бэйла, с которым ты помолвлена. Я вижу, ты впитала от него все лучшее. Даже в выражении лица чувствуется что-то общее. Правда, он более откровенен, чем ты: мастер Бэйл уже успел сказать, что я всего лишь глупый самодовольный нахал, которому не хватает ума держать язык за зубами!

Аннабель медленно приблизилась к Себастьяну и внятно произнесла:

– Мне кажется, что он был совершенно прав.

На этом обмен любезностями и завершился. Не потому, что старым друзьям не осталось, чем еще уязвить друг друга. Просто в галерею вернулись владетель Корнельский и барон Армин. Ариолана Бэйла с ними не было.

Барон был багров, как самый мрачный из закатов над Тысячелетней рекой. По его лысине, которая была покрыта влажными каплями еще до того, как он удалился для приватной беседы, пот теперь струился ручьями. То и дело он проводил по черепу растопыренной пухлой пятерней, но это нисколько не помогало: ладонь была так же предательски влажна, как блестящий купол головы.

Его глазки бегали, как растревоженные муравьи, в чье жилище бросили дымящуюся головню.

На его светлости герцоге Корнельском итоги разговора никак не отразились. По крайней мере, он вышел к фонтану с тем же невозмутимым лицом, а потом вдруг пропал, не возобновив беседы. Себастьяну показалось удивительным, как такой большой человек мог бесследно исчезнуть в довольно узкой и хорошо просматривающейся галерее. Впрочем, Аннабель могла бы рассказать своему другу детства о боковых галереях и тайных нишах, которыми изобиловал этот дом, выстроенный несколько веков назад… Однако она не была расположена к подобным откровенностям и быстро удалилась в отведенную ей в особняке комнату: нужно было собраться в дорогу.

Себастьян покинул дом владетеля Корнельского. Характерно, что за все время пребывания в нем он так и не увидел ни одного лакея, ни одного слуги, ни одного охранника. Себастьян отметил это и по той причине, что спинным мозгом, цепким интуитивным чутьем вдруг понял:

за ним следят. Кто-то топтался взглядом по его спине, по его затылку и шее, и бежал, бежал по ней легкий холодок.

Себастьян вышел на главную площадь, на которой красовалась гигантская, выше любого из городских зданий и шпилей, колонна со статуей древнего Мелькуинна, покровителя королевства Альгам и Кесаврия. Легендарный пророк, по преданию, единственный из Маннитов избежавший зла и остановивший его, печально оглядывал громадную площадь. Себастьян задрал голову и долго смотрел на величавую фигуру Великого, того, кто дал новую жизнь землям Альгама и Кесаврии и сумел спасти населяющие их народы от истребления страшного, неизбежного и мучительного.

По крайней мере, именно так учили в Школе Второго окна. Да и Ариолан Бэйл, которому были доступны знания совершенно иного, несоизмеримо более высокого уровня, не дал бы соврать: в Школе Пятого окна учили тому же, и самые авторитетные, источающие пыль столетий источники в королевской библиотеке не отклонились бы и на полслова от этой истины.

Животворный пророк, величайший из живших, был мореплавателем. Его имя носили знаменитые Столпы Мелькуинна, коими все так любили клясться, но которых никто толком и не видел. По крайней мере, все были уверены, что теми столпами положен предел благочестивой земле и воде, что далее простирается только тьма. Только тысячеглавое зло. Только Омут.

А за ним – Черная Токопилья.

Бронзовый вершитель судеб целого мира, Великий Мелькуинн, печально смотрел себе под ноги с огромной высоты и явно не замечал маленького худого человека, который только что опозорился перед девушкой, о которой мечтал. «Есть, побери меня Илу-Март, и другие мечты! – бормотал про себя Себастьян. – В конце концов, еще ничто не потеряно. Я еще смогу… Быть может, я совершу нечто такое, что заставит Аннабель позабыть обо всем, кроме меня, обо всех, кроме меня. И думать только о том, что есть я. И что я способен дотянуться до неба и снять оттуда молодую луну – ради нее, Аннабели».

Себастьян не отдавал себе отчета в том, откуда именно всплыло эта опасное, режущее как бритва сравнение с молодой луной. Вздрагивая, она плывет по поверхности безмолвной ночной бухты. Тускнея и снова пылая, вбирает она в себя золотые зрачки Зверя. Того, родом из детства.

Высокий дребезжащий голос выпрыгнул из-за спины Себастьяна, как пружинный демон из картонной коробки:

– Эй, мастер Басти! На меня смотреть куда легче, чем на пророка Мелькуинна! На него вон как голову задирать надо. А на меня достаточно только чуть-чуть глаза скосить и потом их опустить – и все.

Себастьян вздрогнул всем телом и негромко вскрикнул.

Тот, кто потревожил Себастьяна столь возмутительным образом, был… Да, это был не кто иной, как Аюп Бородач. У данного представителя расы брешкху вообще имелась очаровательная манера появляться в самый неподходящий момент в самом ненужном месте.

Себастьян свирепо замотал головой и, спустя несколько мгновений все-таки обретя дар речи, схватил того за бороду:

– А ты что тут делаешь?! – закричал он. – Ты вообще откуда взялся? Я же запретил тебе следовать за мной!

– Взялся? – ничуть не смутившись подобным обращением, отозвался Аюп Бородач. – А я никуда и не исчезал, чтобы взяться. Я ж сказал: я для того и приставлен, чтоб с тобой ничего не случилось.

Себастьян перевел дух.

– Я знал, что брешкху – самое несносное племя на этой земле. Но ты умудряешься выделяться даже среди своих нахальных сородичей! – выговорил он.

Аюп Бородач хмыкнул. Задрал свою серую рубаху и как ни в чем не бывало принялся чесать брюхо. Глядя на это, Себастьян с трудом удержался от здоровенного пинка в этот возмутительный отвислый живот.

– Ты даже хуже Ржиги, – не зная, во что претворить этот злодейский замысел, сказал он. – Вонючее и наглее. Ниже на голову… Да и просто низок!

– О… О! У тебя плохое настроение? У меня есть пара способов его повысить. Ух! Ух! Давненько не был я в славном Сейморе! Тут много лакомых мест, а отплытие «Летучего», как я слышал, отложено до завтрашнего утра.

– Ну пойдем… – вздохнул Себастьян, поднимая обе руки в знак примирения и согласия.

– …Я забрался под карету барона Армина, мастер Басти. Там, конечно, немного пыльно, а когда трясло на ухабах, мастер Басти, я два раза едва не откусил себе язык. Но что не сделаешь ради твоего спокойствия, мастер Басти? Я ж знал, что случусь возле тебя очень кстати. Я же вижу, что тебе лучше.

Его голова еле выглядывала из-за высокой, тонко отшлифованной столешницы. Себастьян и его несносный спутник пили вкуснейший, ароматнейший сейморский пунш с фруктами, чудный напиток, который умели делать только в столице провинции. Под пунш отлично шли жареные колбаски со шпиком и с зеленью, а также пирожки с фаршированной рыбой. Спутник уверял Себастьяна, что заведение, куда они зашли, – лучшее во всем Сейморе по соотношению цены и качества подаваемых блюд (Аюп так и выразился).

Правда, название таверны – «Полтора толстяка» вселяло мысль, что одному из посетителей расплатиться так и не удалось…

Аюпу Бородачу хватило нескольких энергичных глотков пунша, чтобы у него окончательно развязался язык. И тогда он брякнул:

– Я слышал, малышка Аннабель удачно нашла тут свое счастье? То есть она вроде и не совсем малышка… не то что тогда, когда мы бежали с Языка Оборотня… увидев ту тварь…

У Аюпа определенно талант. Всего в паре-тройке фраз он умудрился зацепить решительно все, о чем Себастьян хотел бы говорить сейчас меньше всего. Тем более с Аюпом Бородачом.

Тот добродушно ухмылялся и косил бесцветным левым глазом.

– Я смотрю, ты слишком много знаешь, – выразительно откликнулся Себастьян, рассматривая длинный, заметно раздвоенный у кончика нос Аюпа Бородача. Тот снова заулыбался, показывая разноцветные широкие зубы. И воспитанник барона Армина тут же почувствовал, как злость начинает улетучиваться из него, как хлесткий винный запах из проколотого бурдюка. Собственно, злиться вот на это существо, на Аюпа, было довольно затруднительно – хотя за все время их многолетнего знакомства несносный Бородач и умудрялся неоднократно поколебать это мнение. Аюп был настолько нелеп, что при всей своей несносности умудрялся выходить целым из самых опасных переплетов. Его попросту жалели. (Чего, скажем, нельзя было сказать о Ржиге, который за куда меньшие проступки уже лишился трех зубов и двух пальцев на левой руке, получил двойной перелом носа, был четырежды порот на конюшне, а также получил хроническое заболевание почек в результате сидения в холодном погребе.) Барон Армин именовал Аюпа Бородача помесью брешака и дворняги, с преобладанием крови последней.

Какое-то зерно истины в словах барона Армина, безусловно, имелось: Аюп был слишком мал ростом, даже для представителя пушистого народца, спорадически страдал беспричинной пугливостью и был к тому же слишком волосат. Для брешака – уж точно.

– Эй, любезнейший! – крикнул Аюп Бородач через пустой зал держателю таверны, стоявшему за стойкой и аккуратно протиравшему чашу на высокой ножке. – Чего бы такого приказать подать? – принялся вслух рассуждать он. – Свинину с линдейскими буркалами? Вепря по-альгамски? Э-э-э… а не навернуть ли нам жирфуксы в сырном соусе, да по-успрейски? Жир-

фуксы, мастер Басти – это такая превкусная штука, которую превосходно запивать… Запивать! Точно, мастер Басти! Ух, ух! – запрыгал на своем месте Аюп Бородач, кося вторым, цветным, желто-рыжим глазом в опустевшую чашу из-под сейморского пунша. – Эй, почтенный тавернщик! – крикнул он через весь зал (пустой, как кошелек барона Армина после посещения Сеймора) мрачному держателю заведения. Тот занимался своим делом и время от времени поглядывал на Аюпа Бородача, который уже успел намозолить ему глаза, а также засыпать пол солью, мелко рубленной зеленью и черепками разбитой тарелки.

– Эй! А подай нам жирфуксов по-успрейски! Ну, знаешь, это когда с одного боку хорошенько его поджариваешь, а потом сырного соусу – плям! А сверху еще немного соку лимона – уф…

– Я знаю, как готовятся жирфуксы. Хотелось бы, чтоб ты с такой же точностью расплатился, – угрюмо ответил тавернщик.

– Эй! А че сразу о расплате… об оплате? – мотнул головой Аюп Бородач. – Мастер Басти, ты не знаешь, чего это он сразу о деньгах? Или ты решил, что я не смогу расплатиться за этот твой пунш, да за пару вонючих яблок, да за вот эту фаршированную хрень? Почем я знаю, что ты туда напихал? Может, твой попугай набрался нехороших слов от твоей жены, и вот им-то, бедным, ты и нафаршировал? А? Ух, ух, как я зол!

– Оно и видно, что болтуны и бездельники… – пробормотал тот. – Разгар трудового дня, все не жалеют себя на работе… а эти – лясы точат, да жрут, да пьют сладко. В Трудовую бы вас армию…

У Себастьяна был острый слух, но он предпочел никак не реагировать на слова держателя таверны. Хотя бы потому, что у него была не менее острая интуиция, чутье, которым он немедленно и учуял неладное. Уж больно вертелся и ерничал этот Аюп Бородач…

– Так! У тебя есть деньги? – прямо спросил он.

Бородатый брешак заухал, заклацал нижней челюстью и наконец отреагировал по существу вопроса:

– Ты прямо как этот злокозненный спекулянт спрашиваешь, мастер Басти! А почему бы это у меня не должно быть денег? Можно подумать, что только у воспитанников барона Армина они есть! Кстати… – Он выковырял из зуба внушительное волоконце мяса. – А почему это деньги должны быть у меня? Я же, растопчи меня Илу-Март… не баронский воспитанник, а всего лишь бедный брешак, которому вменено в обязанность… чтобы… ух…

У тавернщика был отличный нюх на тех, кто не хочет или не может заплатить. Пока Аюп Бородач, щелкая разноцветными зубами, нес всю эту чушь под свирепеющим взглядом Себастьяна, держатель заведения оказался у столика, где сидели товарищи, и вкрадчиво спросил:

– Вы уж разберитесь, кто из вас платит…

– Одну минуту! – бросил ему Себастьян. Ему все стало понятно. Он встал из-за стола и, схватив Аюпа за пушистое ухо, дважды встряхнул и проговорил деланым баритоном:

– Это что же ты, скотина? Я же отдал тебе деньги, которые выиграл в «Пестрой пустоши»! Расплатись с этим добрым человеком, и нам пора на корабль! Господин барон не любит ждать, особенно когда ступает на палубу по личному поручению владетеля Корнельского!

У требовательного тавернщика глаза полезли на лоб. Как выяснилось, отнюдь не из-за упоминания высокого титула Каспиуса Бреннана-старшего. Он проговорил:

– Вы играете в «Пестрой пустоши»?

– Ну да.

– Это та, что в Сиплом квартале?

– Она.

– И выигрываете?

– Именно.

– И так спокойно об этом говорите?

– Почему я должен скрывать свои достижения, на которые мало кто способен? – высокомерно выговорил Себастьян и между делом извлек из кармана маленькое зеркало в виде морской раковины, почти плоской, отделанной с одной стороны белым перламутром, а с другой – тускло, тяжело отсвечивающей амальгамой. Себастьян взвесил его на ладони и проговорил:

– Вот это я выиграл у офицера Охранного корпуса…

– Им же даже на порог игорных заведений запрещено ступать.

– Вот и я о том. Ты меня понимаешь? В общем, бери этот выигрыш в счет уплаты за еду и выпивку и давай тащи нам жирфуксов, пунша и всякого разного! Ну, вот Аюп знает, он тебе подскажет.

Держатель таверны нерешительно взял зеркальце и принялся рассматривать собственный толстый нос, отразившийся в слое амальгамы…

Через минуту развеселившийся Аюп Бородач и, напротив, притихший и бледный Себастьян уписывали за обе щеки фирменные блюда «Полутора толстяка», запивая их новыми порциями пунша.

Перламутровое зеркало Себастьян получил в подарок четыре года назад. Легко догадаться, кто подарил его и почему Себастьян расстался с ним в таком неподходящем месте.

Так легко и бессмысленно.

Конечно, она, Аннабель.

На борт корабля он поднялся уже за полночь.

Бриг «Летучий», на котором барон Армин и его сопровождающие добрались до Сеймора, как выяснилось, был зафрахтован и для отплытия назад, в Угурт, в родовые земли барона. Собственно, ничего удивительного: это было отличное судно, остойчивое, крепкое, недавно кренгованное и обладающее превосходным ходом не только по этой причине. На пушечной палубе «Летучего» находилось по пять легких «змей-кулеврин» с каждого борта. Конечно, это вооружение не представляло угрозы для серьезного военного судна, однако вполне могло отпугнуть пиратов, которые, как поговаривают, все еще водились где-то в шхерах Западного Альгама и порой решались на вылазки к берегам Кесаврии.

Для Аннабели уже была отведена просторная каюта с большими окнами на корме. С раннего утра возле нее драили палубу и ползал Ржига.

Два этих явления никак не связаны: Ржига ползал вовсе не потому, что именно он драил палубу к появлению долгожданной гостьи. Честно говоря, он и сам нетвердо помнил, как оказался в столь незавидном положении. Он четко отдавал себе отчет в том, что накануне барон Армин начал погоню за удовольствиями, что по сложившейся доброй традиции привело к полному опустошению кошелька и немилосердному выносу мозга.

Сам барон в полном расстройстве лежал в гамаке где-то на второй палубе и охал, пересыпая этот звуковой ряд сочной бранью.

Возле него хлопотал Жи-Ру.

Двое студентов Школы Пятого окна, ожидающие приезда Ариолана Бэйла и Аннабели на пристань, со сдержанным любопытством поглядывали в ту сторону.

Наконец мастер Бэйл и его невеста прибыли. Они приехали в просторном экипаже с открытым верхом, запряженном двумя лошадьми. Ими правил мрачный тип в униформе Трудовой армии. Себастьян, сидевший на грота-рее, признал в нем того круглолицего, что провожал их до места ночлега в лагере мостостроителей Трудармии. А в экипаже, помимо Ариолана Бэйла и дочери барона Армина, находились еще трое – и все из Школы Пятого окна. Здоровяка Олеварна, обнимавшего за плечи разом двух девушек, Себастьян запомнил хорошо: это был тот самый верзила, что намеревался дать ему в челюсть в шатре с серыми жерланами. Одну из

девушек под мощной рукой Олеварна он тоже признал: кажется, ее звали Танита и она спрашивала что-то у повара Жи-Ру про розовый лед ордена Рамоникейя.

При появлении молодых людей барон Армин поднялся из своего гамака и, повязав голову мокрым полотенцем, вышел на верхнюю палубу. Тут он встретился с Ржигой, который безуспешно пытался с нее встать. Мощным ударом ноги барон Армин убрал бедного полубрешака со своего пути; тот прокатился несколько шагов по палубе и провалился в открытый корабельный люк, предварительно стукнувшись башкой о поднятую решетчатую крышку.

Уже поднимающийся на борт корабля мастер Ариолан Бэйл, создав несколько величавых складок на своем высоком лбу, задумчиво наблюдал за поступательным движением Ржиги.

– Папа, ты чего? – отбросив церемонии, спросила Аннабель и выступила из-за спины мастера Бэйла. – Ты его за что так? Я же тебе много раз говорила, что…

– Что пора плотно позавтракать! – вступил в разговор кудесник Жи-Ру. Широчайшая улыбка сияла на его лице.

А в его руках дымился, благоухал, блистал разноцветьем красок громаднейший поднос. Чего тут только не было! Лоснился ошалевший от счастья лосось в смородиновом маринаде. Исходила рубиновыми каплями нарочито грубо нарубленная баранина по-альгамски с гранатовым соком и сводящим с ума соусом каллимаури. Сочные колбаски с воткнутыми в них шпажками лежали торжественно, как с честью павшие на поле кулинарной брани солдаты. Развратный розовый разлом фруктов внушал надежду… Надежду съесть всю эту гору снеди и попросить кудесника-повара приготовить еще! Тем более что среди закусок и яств стояли разноцветные наливки, за которые, по словам самого Жи-Ру, можно было отдать душу и приплатить сердцем. Среди ягодных и фруктовых наливок, возмущенных наличием среди них грубого и славного боррского эля, царил великий и ужасный вайскеббо.

О нем говорили, что мужчина, испив этого огненного напитка, становится ребенком, тает, как воск; а самое зеленое и юное дитя, сделав два глотка, вбирает в себя мощь зрелого мужа.

Жи-Ру нацедил барону Армину именно вайскеббо. Тот выпил, мечтательно жмурясь, и когда открыл глаза, это был совсем другой человек.

– Прошу пожаловать на борт «Летучего»! – воскликнул он и гостеприимно раскинул объятия. – Дети мои!

– Я рад, что вы так нас встречаете… отец мой, – после длительной паузы ответил Ариолан Бэйл.

Конечно, он не отказал себе в удовольствии впустить в эти слова яд тончайшего сарказма.

Именно в этот момент – когда мастер Бэйл ступил на палубу корабля, держа в своей руке тонкие пальцы Аннабели, когда он нежно приобнял ее, помогая сойти с трапа, когда он широко ей улыбнулся, показывая безупречные белые зубы, – Себастьян окончательно его возненавидел.

«Я его убью, – решил он. – Я убью эту надменную тварь! И будет так!»

Приняв это решение, Себастьян вдруг успокоился и вскарабкался на бом-салинг, для мало понимающих в морском деле – практически самую высокую точку корабля, на которую только мог забраться матрос. Сидя здесь, на высоте в десять человеческих ростов, на мощных брусках, крепящих древо бом-брам-стеньги, Себастьян обозревал утренний Сеймор. Город был добротен, приземист и крепок, как любой из больших и малых городов Кесаврии – за исключением, наверно, одной столицы. Утренний солнечный свет лег на черепичные крыши домов, на серый камень мощеных улиц и кряжистые башни городской тюрьмы. На длинные серые бараки портовых пакгаузов…

Себастьян закрыл глаза, и неожиданно перед его мысленным взором взмыли вверх острые, как розовый лед, золотые, как остывающее закатное небо, шпили. Это видение было

настолько ярким, явным, настолько зримым, что Себастьян потерял себя и едва не разжал руки, обвитые вокруг стеньги.

«Что это? Что это за город?»

– Стойте! – разорвал его видение визгливый крик. И Себастьяну даже не надо было поднимать веки, чтобы узнать, кто именно в очередной раз влезает не в свое дело. Он все-таки раскрыл глаза и, притянувшись к прохладному гладкому дереву стеньги, убедился в том, что его догадка верна.

По пристани бежал маленький брешак, энергично преследуемый одной тощей облезлой собакой и вяло – двумя толстыми портовыми стражниками. Представитель несносного племени брешкху бежал прямо к «Летучему».

Конечно же это был Аюп Бородач.

– Стойте! – кричал он, хотя еще не прозвучала команда отдать швартовы, и до отправления судна оставалось еще прилично времени. – Стойте, ух!

Аюп Бородач взбежал по трапу, сгибаясь под тяжестью двух здоровенных плечевых сум, и почти упал на палубу. Окончательно перейти в горизонтальное положение ему помог добродушный пинок в голень от барона Армина:

– Да это ж скотина Аюп! Ну ты скажи, а? И откуда ты взялся, огрызок дохлой дворняги?

– У всех одни и те же вопросы… – уже валясь на палубу, выговорил тот. – Хоть бы что новенькое сказали, дядюшка Армин…

– Я те дам «дядюшка»!

– Действительно, какой такой дядюшка? Отец, что у тебя сегодня за времяпровождение такое? Целевое утро по катанию брешаков по палубе с помощью пинков? – снова не выдержала Аннабель.

– Практически новая дисциплина в школьном курсе, – пробасил Олеварн. – А что? Неплохой был бы предмет…

– У тебя по нему точно был бы самый высокий балл, – с расстановкой произнес Ариолан Бэйл. – Вставай, дружище. Ты кто такой и откуда взялся на корабле? Не видел я тебя.

– Я тебя тоже не видел ни на одном корабле из тех, на которых бывал, – отозвался Аюп Бородач. Он подрыгал ногами и наконец сел на палубе, подтянув к себе обе плечевые сумки. В них определенно что-то булькало и позвякивало. – Хотя, с другой стороны, ты не обязан ходить на тех же кораблях, что и я. А-а-а, я тебя знаю! Ты сам Ариолан Бэйл! Мы ж о тебе говорили с мастером Басти, ты еще у него невесту отбил… хр-р-р-р… э-э-э… По всему вижу, что ты предпочитаешь сушу. А тут даже палуба мокрая… Э-э-э… да и блевал кто-то, кажется… немного…

Из люка выглянул Ржига. Увидев разглагольствующего Аюпа Бородача, он издал короткий стон и добровольно свалился обратно. Ариолан Бэйл философски заключил:

– Я вижу, тебе рады буквально все. Что у тебя за поклажа?

– О ней-то я хотел рассказать с самого начала, но меня, так сказать, прервали, – мгновенно оживился Аюп Бородач. – Тут отличнейшее вино. Несколько видов наливок. О, господин барон, не смотрите с таким гневом: конечно же имеется и боррский эль, и вайскеббо! Но главное… милые дамы, боюсь, будут слишком очарованы мной, когда я покажу, что у меня есть… Насколько это очаровательно и пленительно…

– Рассказывай уже, плут! – рявкнул барон Армин.

Аюп Бородач окончательно принял вертикальное положение. Шмыгнул носом. Его руки задвигались с быстротой отпетого ярмарочного шулера. Одна из сум раскрылась, и из нее, блистая девственной белизной парусов, выплыл маленький парусник…

– Ого! – в голос сказали Аннабель, Танита и вторая девушка из Школы Пятого окна, по имени Майя.

– Эх… – сказал круглолицый парень по имени Инигор Мар, тот, кто правил лошадьми. – Я три года такое вино не мог достать, а тут – поди ж ты…

Крошечный Аюп Бородач улыбался и для пущей значительности вставал на цыпочки.

Модель парусника представляла собой сосуд для самого дорогого напитка, который только и можно было найти во всем королевстве Кесаврия (в Альгам не было смысла заглядывать, там употребляли куда более грубые и действенные пойла). Это было настоящее алое астуанское вино, названное так в честь держателя Алой сотни – великого Астуана V, ланзаата его величества жизнетворного короля Руфа-Альвуса IV Шеппиана. Собственно, до пятого Астуана был четвертый, третий, – а вино по древнему рецепту продолжало литься в их честь.

– Астуанское…

– Астуанское!

– Эй, Аюп! – прищурился барон Армин, впрочем, уже изрядно подобревший и размякший после дозы вайскеббо. – Это как же так, плут? Откуда ты взял это вино? Украл? Даже у меня… э-э-э… даже я пил его два раза в жизни…

Барон приврал ровно в два раза. Аюп Бородач, если судить по его усмешке, по достоинству оценил фантазию дядюшки Армина.

– Честно говоря, я его выиграл, – отозвался он, отодвигаясь от опекуна Себастьяна во избежание очередного пинка. – В «Пестрой пустоши». Как и все остальное… Помнится, именно там вы, господин барон, проиграли в прошлом году все, вплоть до нижних штанов. Да и те вам выдали сугубо из расположения…

Дядюшка Армин уже открыл было рот, чтобы зареветь, как насаженный на пику вепрь. Улыбка дочери остановила уязвленного барона.

– Отлично! – сказал он. – Господа студенты Школы Пятого окна, прошу пожаловать в кают-компанию для завтрака. Сейчас мы отплываем.

Растаяли за кормой виды, звуки и запахи Сейморского порта. Капитан «Летучего», вместо того чтобы пойти вдоль побережья, отчего-то взял курс зюйд-вест, и вскоре суша вовсе исчезла за горизонтом. Себастьяну было не до того, чтобы узнавать, каким именно галсом идет судно и какой курс заложил капитан, а вот юркий Аюп Бородач быстро установил, в чем дело. Оказывается, в шестидесяти морских лигах от Сеймора лежал знаменитый архипелаг Аспиликуэта, чьи красоты давно стали притчей во языцех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.